

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDENIE

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».

М. Бакунин.

4-4
Рос 1-105

ПРИБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОУГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
БИБЛИОТЕКА
13 ОУДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-198

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 50—51.

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1934 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Кровавая страница. — М. НЕТТЛАУ. Жан Грав. — Л. ЛИПОТКИН. Нестор Махно. — Г. КУЗЬМЕНКО. Відповідь на статтю «Помер Махно». — АВТОНОМОВ. Осуществим-ли анархизм в настоящее время? — МАРК СТЕПНОЙ. Рабочие и интеллигенция. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Военное уопомешательство. — М. НЕТТЛАУ. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. — Л. ЛИПОТКИН. «Дело Труда». «Пробуждение» и анархическое движение. — Стихи, письма и мелкие заметки.

КРОВАВАЯ СТРАНИЦА.

Еще одна кровавая страница вписана в историю Соединенных Штатов. Минувшее лето ознаменовалось целым рядом забастовок, сопровождавшихся грубым насилием, вплоть до убийств, со стороны предпринимателей. Улицы многих американских городов обильно оросились рабочей кровью. Число убитых велико, число раненых еще больше. Многие семьи лишились своих кормильцев, многие родители — старики потеряли единственную опору, радость и надежду в их жизни. От Сан-Франциско до Бостона, от Сеаттля до Атланта, всюду виднеются свежие могилы, в которых покоятся преждевременно погибшие невинные люди.

И все это произошло в то время, когда в Вашингтоне восседает так называемая либеральная власть. Либеральная

она, конечно, только на словах, на деле же она такая же жестокая и несправедливая, как и всякая другая власть. Нигде эта «либеральная» власть не стала на сторону рабочих. Каждый раз во время забастовки она защищала интересы исключительно предпринимателей — фабрикантов. Войска не посылались для защиты бастующих рабочих. Нет, этого не было! Войска посылались для охраны мастеровских, в которых работали стачколомы, и для разстрелов забастовщиков.

Роль палача сыграла штатная милиция, находящаяся в распоряжении губернатора. Она косила бастующих рабочих, как траву. Странное дело! Пусть попробует кто-либо хотя бы пальцем тронуть предпринимателя, — его немедленно привлекут к ответственности. А вот за мас-

совое потребление рабочих никто не отвечает. Никто — ни тот, кто убивает, ни тот, кто приказывает убивать. Где же тут логика? Как это согласовать с толкованием, что личность каждого человека свята и неприкосновенна?

Как видно, толкование о неприкосновенности личности распространяется в наше время только на толстосумов и власть имущих, но не на бедных рабочих.

Чтобы «обработать» общественное мнение и оправдать действия убийц, продажная буржуазная пресса с особым рвением распространяла во время забастовок ложные слухи о нападении бастующих на мастерские. Никаких нападений, конечно, не было, но подобную ложь нужно было распространять для того, чтобы у обывателя, читающего только буржуазные газеты, сложилось мнение, что виновником тут являются не те, кто убивают, а те, кто бастуют.

Вот что значит буржуазный строй! Рабочего безнаказанно убьют, а потом дело обставят так, что вся вина за убийство падает на убитого же.

Мирным забастовкам, как видно, пришел конец. Буржуазия, опираясь на государство, первая начала прибегать к репрессивным действиям. Подобные же действия должны применять и рабочие. Иначе они всегда будут терпеть поражение и нести ненужные жертвы. У рабочих есть великая сила — солидарность. Умей рабочие пользоваться этой силой, воинственная прыть буржуазии значительно была бы

парализована. Пусть бы только рабочие транспорта отказались перевозить войска и амуницию туда, где происходит забастовка; пусть бы только типографские рабочие перестали печатать те газеты, которые распространяют ложь о забастовке; пусть бы только рабочие электрических станций приостановили подачу силовой энергии в те мастерские, в которых работают стачколомы, — буржуазия почувствовала бы, что она находится на мели.

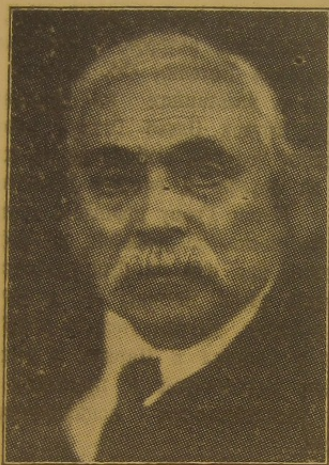
Разстрелы забастовщиков должны научить многому американских рабочих. Прежде всего рабочие должны раз и навсегда понять, что власть — демократическая или республиканская — кровно связана с буржуазией, и по первому требованию последней охотно выступает в роли вешателя и стачколома. Забастовки в последнее время проигрываются рабочими главным образом благодаря вмешательству властей. Затем, на основании последних забастовок рабочие должны уяснить, что современные так называемые рабочие лидеры фактически являются не чем иным, как злокачественным наростом на теле американского рабочего движения. Эти лидеры больше заботятся о лояльности рабочих конституции, чем о благоприятном исходе забастовки. Рабочих разстреливают, а лидеры твердят им: будьте лояльны к существующим порядкам. Большого предательства трудно подыскать!

Насколько все это рабочие учтут — покажет ближайшее будущее.

MAX NETTLAU.

ЖАН ГРАВ.

(Родился в 1854 г. — Участник движения с 1879 г. — Восьмидесятилетие 16 октября).

Читатели этого журнала знакомы со статьями Жана Гравы, написанными в последние годы, а также с несколькими письмами Кропоткина, посланными ему много лет тому назад, но не все, быть может, знают, что Граву исполнится восемьдесят лет 16-го октября этого года, и что он имеет за собой почти 55 лет непрерывной работы в деле распространения анархических идей. Обстоятельства и его работоспособность ставили его в течение многих лет в такое положение, что ему пришлось брать на себя непосредственное заведывание наиболее широко, интернационально, распространенным анархическим журналом, и сам он, под влиянием замечаний и критики нескольких поколений анархистов, превратился в популяризатора и защитника его собственного понимания анархизма, которое он изложил во многих книгах.

Таким образом, его скромная жизнь может быть интересна для тех, кто с уважением относится к воспоминаниям о

скромном происхождении великих дел.

Грав ни в коем случае не является начинателем анархизма во Франции, но, как он сам часто говорит, является рядовым, «человеком дюжины», один высокомерный французский марксист назвал тех, кто оказался в числе первых, сумевших противостоять соблазнам поднимавшегося движения политических социалистов, и кто поднял знамя анархизма, как тому учили их Кропоткин, Реклю, Малатеста, Кафферо, Черкезов, которые в то время были вместе с ними, или в связи с ними (литературно или лично). В действительности, эти пять человек были вдохновителями, давшими свежую мысль и импульс, которые сделали возможным возрождение анархизма во Франции около 1880 г. Они же обосновали его и сделали возможным его распространение и утверждение. Грав был одним из тех серьезных людей во Франции, которые вложили свою душу в это дело, и он был одним из самых лучших и самых настойчивых среди них.

В те годы после войны, когда многие причины уменьшили возможности пропаганды до меньших размеров, чем сорок лет тому назад, жена Гравы, вскоре после того умершая, убедила его укрепить свой дух путем описания своей жизни, и он сделал это в книге «Либертарное движение в период Третьей Республики». Это заглавие было навязано ему невеждой, который вычеркнул из книги все, что Грав написал о своей ранней жизни, а также многие другие вещи. Эти вычеркнутые части книги Грав начал печатать в анархическом журнале в Буэнос-Айресе летом 1930 года, но этот журнал был закрыт не менее грубым диктатором в сентябре. Таким образом, часть книги остается неизвестной, или известной лишь постольку, поскольку она была изложена в предисло-

вни к изданной в Париже книге. Об этом приходится сожалеть тем более, что личность Грива, лучше известная некоторым его друзьям, широкому кругу товарищей известна была только по его работе в качестве издателя в течение 30 лет. По необходимости, отказывая в напечатании статей, с которыми он был несогласен, и расходясь с сотрудниками и читателями по другим причинам, он собрал богатый урожай врагов и суровых критиков, тогда как широкая публика имела о нем, до некоторой степени, фантастические представления.

До шести лет он жил в своем родном Брейле, округе департамента Иссуар, в гористой центральной Франции, где природа, народные сказки и традиции влекли его к себе. Затем его родители, беднейшие из бедных, переселились в Париж, как раз в тот квартал, где он позднее прожил столько лет, работая в анархической газете. Это был очень бедный, населенный, застроенный лачугами народный квартал, позади большой церкви св. Женевьевы и Пантеона, вблизи университетских зданий, Сорбонны, латинского квартала, Люксембургского парка, — очень оживленный квартал, но застроенный ужасными старыми домами для бедняков, темными и тесными.

Здесь его мать работала, склонившись над шитьем, без воздуха, до самой смерти. Здесь умерла также его сестра, а его отец, бедный, простой рабочий, был, однако, членом тайной группы бланкистов.

Когда возникла Коммуна, он принял участие в борьбе, подобно тысячам других известных пролетариев. От случая зависело, на какую работу мальчик попадет учеником. Он начал работать у механика, потом у кузнеца и, наконец, у сапожника. Так он познакомился с жизнью рабочего в 60-х годах, когда возмущение назревало, и социалистические идеи распространялись, когда Империю презирали и бранили по всякому случаю, когда старики 1848 года снова появились перед народом на многих публичных собраниях.

Без сомнения, жизнь в этом отношении была свободна и легка в мастерских в те годы, идеи обсуждались и в выборе слов не стеснялись. Молодой человек прожил период Коммуны, годы депрессии и последовавшей за ней реакции.

В те годы он прочел много книг, наиболее передовых авторов, начиная от «Тайн народа» Евгения Сю, которая рассказывает о восстаниях на протяжении веков, до трудов Элизе Реклю, которого во Франции все так любили за то, что он взялся за оружие в защиту Коммуны в 1871 г. Потом Гриву пришлось стать солдатом на несколько времени, но его вернули домой, так как он был единственной поддержкой своей матери, — и начинал с того времени, приблизительно с 1877 г., он жил и работал в Париже в качестве сапожного подмастерья и принимал участие в развивавшемся социалистическом движении.

В годы 1878—1880, во Франции республиканцы окончательно победили монархических прожектеров и заговорщиков. Готовясь насладиться победой и занять теплые местечки у власти в качестве буржуа-оппортунистов, они нуждались в поддержке народа, поэтому социалистическое движение имело перед собой широкое поле для распространения. Эти движения имели задачей смягчить память об ужасном поражении Коммуны, добившись полной амнистии и возвращения тысяч высланных и заключенных борцов 1871 года. Им предстояло также восстановить свои организации и вдохнуть новый дух в рабочие общества, которые реакционные правительства лишь терпели. Потом различные школы социализма стали соперничать между собою, и на обсуждения были поставлены различные виды тактики. Бланки был освобожден из тюремного заключения, в котором он был с 1871 года. Он был необычайно активен в 1879—80 гг., вплоть до своей внезапной смерти. Коммунисты предпочитали завоевание муниципалитетов, тогда как последователи Жюль Гетто, который в Лондоне стал приверженцем

Маркса и был их идейным вождем, жаждали политической власти, завоевания государства, т. е. в сущности, их собственное избрания депутатами в Палату. В это время, однако, Бланки был еще жив и чрезвычайно революционно настроен, поэтому всем остальным приходилось напускать на себя вид революционеров и показывать себя с лучшей стороны. Таким образом, трудно было стать на ту или другую сторону, так как все казались революционерами и людьми совершенно не заинтересованными. Каждая партия зачисляла в свои ряды многих искренних приверженцев, в то время, как вожди строили планы и тайно интриговали друг против друга.

Жан Грав имел достаточно ума и удачи, чтобы попасть в одну группу с несколькими добрыми товарищами, один из которых, например, Жалло был племянником старого бланкиста Жалло эмигранта, жившего в Швейцарской Юре. Старик Жалло поддерживал связи с жившими там анархистами - интернационалистами, которые, особенно с 1877 года, поддерживали кое-какие отношения с сочувствующими в разных частях Франции. После основания «Le Revolte» Кропоткиным в Женеве в феврале 1879 года, эти связи расширились. Так или иначе, Грав и его ближайшие товарищи познакомились с анархизмом и он им понравился, как наиболее логичная, цельная и наиболее передовая форма социализма. Они образовали группу в смежных 5-ом и 13-ом округах (по соседству с их местожительством) и собирались на улице Паскаля.

Грав был секретарем. Их базой была местная дубильная промышленность. Они приглашали иностранных товарищей, и среди них появлялись Кафьеро, Малатеста, Черкезов и др., пока их не арестовали и не выслали из Франции. Грав и его товарищи стойко защищались от гедистов, бланкистов и др. представителей авторитарных школ, которые приходили точно враскоряку инстинктом, чтобы убеждать, лестили, привлекать на свою сторону и,

таким образом, не давая развиваться этому зародышу анархизма во Франции. Но их лучшие ораторы встречались с такими людьми, как Малатеста с его опытом, который успешно возражал против марксистских идей, ибо он был другом и товарищем Бакунина, и им не удавалось одержать верх. Но отношения оставались официально дружественными до тех пор, пока, после своего визита к Марксу в Лондоне, гедисты не показали себя в настоящем виде. Участие в выборах, которое они прежде вышучивали, теперь считалось у них революционной демонстрацией и, наконец, они стали относиться к выборам чрезвычайно серьезно и уже хотели быть выбранными депутатами в Палату. Коммунисты подвергались параллельной эволюции — они, повидимому, стремились снова провозгласить революционную Парижскую Коммуну и, постепенно, этот план выродился в местные кандидатуры в городские самоуправления.

Группа, организовавшаяся на улице Паскаля, и другие группы, а особенно гантеонская группа, где было много студентов, держались крепко. Так же крепко держались многие провинциальные группы, особенно на юге Франции. Грав, как секретарь этой группы, усиленно поддерживал связи с другими группами путем переписки по вопросам об агитации, литературе, демонстрациях и т. д. Это содействовало ему известность также и в Женеве, где Кропоткин, издавая «Револют», зорко присматривался к новым элементам, выдвигавшимся во Франции. Он печатал выдержки из их писем, переписывался с ними и, во время своих поездок в Лондон и обратно, несколько позднее, посетил некоторых из них. Так же поступал при случае Элизе Реклю во время своих частных поездок, когда он узнавал от Кропоткина и других о каком-нибудь новом, хорошем, местном товарище. Таким образом, Грав стал известным им, как серьезный и очень активный молодой товарищ. Кропоткин в начале имел кое-какие неприятности с ним, так как Грав в своих

письмах и статьях, которые всегда были очень деловиты, имел привычку никогда не ставить знаков препинания. Кропоткин написал для него чуть не целый трактат, чтобы убедить его в полезности хотя бы некоторых знаков препинания и научить его пользоваться ими. Реклю обычно находил его за сапожной работой, с книгой справа и письмом или рукописью слева: он занимался ими в перерывах работы.

Его первый опыт — «Общество на другой день после революции», — набросок, написанный для социалистического Конгресса Центра (Париж в мае 1881 г.) и прочтанный на Независимом Социалистическом Революционном Конгрессе Англистов, покинувших первый Конгресс, был, в конце концов, напечатан год спустя в анархической газете «Социальное право» (*"Le Droit Social"*), издававшейся в Лионе, а в форме брошюры этот набросок издан был группой 5-го и 13-го округов, но напечатан он был в типографии «Револьте» (Юрская типография) в Женеве в 1882 году. Здесь Грав, в качестве автора, подписывается романтической анаграммой «Le Vagre», заимствованной из «Тайн народа». Но брошюра была вполне современной и являлась, в переводе на другие языки, одним из ранних печатных произведений, народившейся анархической пропаганды других стран. А именно: Англия (Лондон, 1885), Румыния (Бухарест, 1887), а в отношении ранней коммунистической анархической литературы — Испания (Грация, 1886), Португалия (Порто, 1888) и т. д. Дополненная в 1889 и превратившаяся в книгу в 1893 году, брошюра превратилась в большой том «Умиравшее общество и анархия». Эта книга стала наиболее известным произведением Грера. Вольтерина де Клер перевела ее на английский язык (Сан-Франциско, 1899). Таким образом, Грав сразу занялся важной темой и изложил ее так, что она привлекла внимание и заинтересовала многих товарищей.

В те годы существовали группы, которые совершенно отвергали организацию,

в то время, как другие группы старались найти такие связи между собою, которые давали бы возможность им с пользою сотрудничать друг с другом, сохраняя в то же время в неприкосновенность, независимость каждой группы. Этому последнему оттенку отвечает «Альянсе Социалистических Революционных Групп» (в Париже, приблизительно, апрель 1881). Граву хотелось расширить эти связи на всю Францию. Приблизительно в середине 1881 года насчитывалось около трехсот членов в восьми группах в Париже.

Кроме того, существовали еще 21 группа в провинции. Эта работа продолжалась вплоть до того времени, когда начались преследования, осенью 1882 года. Грав написал «Организация революционной пропаганды», и эта статья была напечатана в упомянутой уже лионской газете в июле 1882 года и издана была в Женеве в форме брошюры из 19 стр., в 1883 году. Ему едва удалось избежать ареста во время жестоких преследований в Лионе в последних месяцах 1882 года. Другими его ранними произведениями были «Революция и автономия с точки зрения науки», подписанная Жан Ле Вагр (*Le Vagre*, Париж, 1885 г. 32 стр.) и впервые напечатанная в «Револьте» в 1882 году, где в 1885 году появились также «Власть и организация» и «Дитя в будущем обществе». Позднее эти статьи вошли в книгу 1889 г.

В то время Кропоткин содержался в тюрьме во Франции с декабря 1882 года до января 1886 года. Георг Герциг продолжал работу в «Револьте», но спустя несколько времени переутомился и оказался не в силах ее нести. Из того, что я сказал ранее вкратце, видно, что Грав уже не был совершенно неизвестной величиной, а явился непрерывно работавшим товарищем в течение нескольких лет. Когда в «Револьте» потребовалась надежная помощь, то госпожа Софья Кропоткина сказала Элизе Реклю о Граве. Решено было, что Грав научится набирать газету, а Герциг будет продолжать редактировать ее. Реклю посетил Грера в январе 1884

года. Грав принял его предложение и приехал в Женеву временно, на полгода. Герциг, однако, вскоре после того поехал на несколько месяцев в Испанию и отказался от редактирования. Вся работа оказалась на руках у Грава. Он нашел нескольких товарищей, которые помогали ему, и пользовался их связями с группами во Франции, чтобы увеличить тираж газеты, подняв его с 1500 до 3000. Затем, годом позднее, повсеместные преследования анархистов в Швейцарии, хотя и не имевшие отношения к «Револьте», привели к домашним обыскам и к преследованию газеты, Грава и Реклю. Это побудило Реклю и Грава отказаться от жевневского «Револьте» (14-го марта 1885) и перенести здание газеты в Париж (вторая серия началась 12-го апреля). Это решение, принятое отчасти через голову жевневских товарищей, действительных основателей газеты, совместно с Кропоткинским и без участия Реклю, 22-го февраля 1879 года, вызвало среди них разочарование.

В то время прекрасные воинственные выпуски лионских газет, в числе девяти, следовавших один за другим и падавших под ударами преследований (12-го февраля 1881 до 22-го июня 1881), прекратились. Обе парижские газеты «Земля и свобода» и «Смелость» (*"L'Audace"*), 25-е октября 1884 — 21-е марта 1885), также умерли. Тем не менее, «Револьте» не вполне подходил к настроениям французских и, особенно, парижских анархических кругов, так как эта газета развивалась с 1880 года в стороне от групп, с которыми Грав прежде сотрудничал. «Револьте» был газетой для серьезного обсуждения анархических идей, в то время (как и теперь, мог бы я добавить) так мало известных и так усиленно извращаемых, а потому требовавших постоянного серьезного обсуждения для содействия их дальнейшей разработке и развитию. Это была также, по существу, международная газета, как в силу того очевидного факта, что всякое изучение, исследование, мысль исходят из международного сотрудни-

чества всех сил движения, так и в силу неизвестного в то время факта, что Кропоткин был секретарем тесной группы, продолжавшей дело бакунинского «Международного братства» (1864 г.) и что эти товарищи считали «Револьте» органом всех, кто был предан интернациональной работе. Таким образом, газета не была ни газетой местной воинствующей агитации, ни газетой, на которую местные группы могли бы наложить свою руку и предъявить к ней требования. Такие вопросы возникали несколько раз внутри анархического движения: если газеты издаются и печатаются надлежащим образом и безупречно товарищами или издательскими группами и оцениваются и поддерживаются читателями в качестве подписчиков, — то могут ли, в таком случае, группы или коллективы предъявлять требования на влияние на них, на контролирование их и даже, иногда, угрожать выступлением против них, когда их желания не выполняются?

Здесь не место спорить об этом вопросе, но он был и до сих пор остается серьезным вопросом, омрачающим и осложняющим жизнь не малого числа хороших изданий. Являются ли все они общей собственностью по той причине, что они живут подпиской читателей и что они защищают идею общественной собственности?

Мы стоим за свободный доступ к собственности, за пользование ею, но только для тех, кто действительно пользуется ею. Дают ли подписка, продажа, пожертвования, товарищеское сочувствие и т.д. действительное право на контроль? Эта одна из причин, почему «Револьте» и его преемники никогда не были в состоянии дать удовлетворение всем товарищам. Они были недоступны для какой бы то ни было формы навязанного коллективного контроля. Другая причина состояла в отрицании того, что можно было бы назвать преувеличением, односторонностью, мелочностью и пр., — всего того, что, по мнению издателей газеты, считалось не имеющим никакого отношения к анархизму.

Их целью было содействовать индивидуальному либертариному мышлению и воле, чтобы объединить воедино коллективную энергию, способную к действию в нужное время. Многим анархистам в парижских кругах сформировавшихся после 1880 года, свободная индивидуальная жизнь, безотносительно к задачам коллективной борьбы, была главной приманкой, а это вело к индивидуализации, автономизации и, в сущности, к распылению энергии. Выходило так, что множество народа просто живут да проживают, не проявляя никакой терпимости по отношению к более медлительным людям.

У Грива были жестокие столкновения с такими людьми. Он писал в очень резком тоне на эти темы в «Револьте» в 1885 году. Он был в то время довольно одинок и, вероятно, очень обрадован был освобождением Кропоткина по амнистии в январе 1886 года. С того времени Кропоткин всегда поддерживал Грива в течение многих лет. В описанных выше настроенных недовольства был один здоровый элемент — стремление иметь местную, доступную и ярко пропагандистскую французскую газету. Ни международный «Револьте», ни маленькие, по большей части недолговечного и совершенно местного характера провинциальные газеты, не могли дать удовлетворения этому запросу.

Постепенно это было понято, и «Сапра», (27 мая 1888—13 января 1889), за которой последовал «Отец Пейнар» (начиная с 24-го февраля 1889 года), была настоящим, давно ожидавшимся народным французским анархическим органом. Затем, настоящее значение «Ле Револьте» (переименованного 17-го сентября 1887 г., вследствие преследований, в «Ла Револьте») было, наконец, понято и оценено. Нет сомнения, что беседы Кропоткина со многими товарищами в течение 6-ти недель, проведенных им во Франции после его освобождения в 1886 году, помогли понять положение, и теперь «Револьте» прочно укоренился во Франции. И чем больше развивалась новая деятельность Кропоткина, тем больше становилась международ-

ная известность газеты. Грив, не имевший возможности изучить иностранные языки, за исключением английского, которому он немного научился в позднейшие годы от своей второй жены, бывшей родом из Уэльса, не интересовался подробностями движений в других странах и их литературой, исключая тех случаев, когда в других странах какие-нибудь исключительные случаи несправедливости и жестокости приводили к организации больших кампаний, как, например, в защиту заключенных Мано Негра, Феррера и многих других жертв.

Но дело пересылки «Револьте», «Револьте», а позднее — «Тан Нуво» во все страны земного шара, путем обмена, путем отправки экземпляров отдельным подписчикам, читавшим на французском, итальянском, испанском языках, было поистине огромным делом. Этому делу помогали своими советами Реклю и Кропоткин, как люди, имевшие очень значительные международные связи, а Реклю, кроме того, как путешественник по многим странам. В этом деле проявлялись широта и размах, происходило братание на почве либертарных интересов. О таком размахе наше время, 40 лет спустя, при всех его способах быстрого сообщения по воздуху, но, вместе с тем, с его высокими пограничными заградлениями, не имеет более никакого представления.

Анархические искры, исходившие от этой маленькой парижской газеты, разлетались по всем странам в течение долгого времени. Мне это известно, так как многие из газет, посылавшихся в обмен, передавались мне и хранились у меня. Грив собрал большую коллекцию марок только благодаря той корреспонденции, которая получалась в редакции со всех концов мира.

Редакция сама по себе представляла зрелище. До нее трудно было добраться. Дом № 140 по улице Муфтар был построен столетия тому назад. Лестницы, которые вели в редакцию, высоко под самую крышу, становились, чем выше, тем уже, и у самых дверей напоминали уже

опасное восхождение на скалы в горах и куринный насест. Внутри большой комнаты все было завалено газетами и брошюрами, а стол Грива загроможден газетами. Здесь же стояли печка, куда быстро отправлялись письма, чтобы полиция не могла захватить их, и стол для складывания газет. Все-же, для нескольких цветков здесь всегда находилось место. Впервые я побывал здесь в 1889 году. В последний раз я видел Грива в 1930 году.

Выпуск литературы из этого невзрачного помещения, а позднее — из двух комнат первого этажа нового дома, на улице Брока, № 4 (по соседству с прежним помещением; 1895—1914) был поистине оромен. Цифры были приведены в «Революте» от 22-го ноября 1890 года, а также в одной из глав «Записок» Грива, но эту главу можно найти только в упомянутом выше аргентинском издании, в «Приложении» к ежедневной «Ла протеста». В течение нескольких лет после 1885 года Грив был поглощен газетой, получая поддержку от сотрудничавшего в ней Кропоткина, занимаясь также мелкими делами, связанными с заведыванием хозяйственной частью дела. В 1891 году он послан был на отдых на шесть месяцев в Сент-Пелажи, в то время бывшую тюрьмой для политических преступников. Для последних она была комнатой для занятий или для писания статей и книг, для встреч с другими политическими заключенными и приемной для посещавших их многочисленных друзей. Здесь Грив написал «Умирающее общество и анархия», дополнив и расширив брошюру 1882 года и книжку 1889 г. Заглавие предложив Элизе Режю, а знаменитый писатель Октав Мирбо, сочувствовавший либертарам, написал предисловие (Париж 1893, Трес и Сток, 298 стр. в 18"). Позднейшее издание, дополненное одной главой, было напечатано в Брюсселе и принесло Гриву, в начале 1894 года, осуждение на два года в тюрьму, прекратив его открытую общественную работу больше, чем на год.

С того времени Грив продолжал за-

ниматься анархизмом и разрабатывать эту тему во многих статьях, которые постепенно составили следующие книги, выпущенные в издании Т. В. Сток, в его знаменитой серии «Социологическая библиотека»:

«Будущее Общество, 1895 г., 414 стр. — «Личность и общество», 1897 г. 307 стр., — «Анархия, ее цель, ее средства», 1899, 332 стр., — «Реформы, революция», — 1910, 364 стр. Из книги «Анархия, ее извращения и уклоны» только две главы были напечатаны (1913—14), когда «Тан Нуво» прекратило существование. В русском переводе появилась книга «Умирающее общество и анархия» (Женева, Е. Гельд, 1901, 213 стр.), изданная группой русских коммунистов-анархистов: «Будущее общество», издание группы «Хлеб и воля» (Гогелня), 1905 г., без указания места (напечатана в Женеве), но мне известен только выпуск 1,213 стр., — по всей вероятности, половина книги. Возможно, что были переведены и другие книги, но я не имел возможности проверить это.

Существует довольно много брошюр на французском языке, изданных в большой серии «Издания Тан Нуво». Я не могу теперь проверить, какие из них являются одновременно главами книг, но это не имеет значения, так как брошюры, печатавшиеся десятками тысяч, имели совсем иной круг распространения, чем книги. Вот их названия:

«Машинный строй» — 1898 г., 16 стр., — «Павзция - революция» — 1898 г., 15 стр., — «Воспитание буржуазное и воспитание либертарное», 1900 г., 16 стр., — «Колонизация», 1900 г., 15 стр., — «Организация, инициатива, связь» — 1902 г., 30 стр. — «Если бы я выступил перед избирателями», без даты (1902, 7 стр.) — «Синдикализм в общественном развитии» — (1908, 16 стр., русский перевод под таким заглавием издан в 1902 году Петербург - Москва, Голос Труда, 27 стр.), — «Соглашение для действий», 1911 г. 23 стр., — «Одна из новых форм политиканства» — 1911 г., 8 стр., — «Завоева-

ние политической власти», 1911 г., 8 стр., — «Научные социалисты», 1913 г. 8 стр.

К этому списку нужно добавить утопию, написанную для серий "Publicaciones de la Escuela Moderna", издававшихся Франциском Феррером — «Свободная земля». «Коммунистическая фантазия», Барселона — 1908 г., 199 стр.; французское издание вышло также в 1908 году. («Пионеры»). Также роман «Злоумышленники» (Париж 1903 — 311 стр.), из жизни парижских анархистов; в романе выступают и симпатичные, и антипатичные люди, которых, по большей части, легко бывает распознать, читая воспоминания Гравы, где эти люди описаны довольно прозрачно.

«Великая семья», военный роман, 1896 г., 336 стр., дает непривлекательные описания военной жизни. Затем, «Ответственность», мрачное изображение социальных сценок (1904, 101 стр.). «Приключения Ноно», 1901 — 372 стр. представляют собою описание воображаемых стран, рассчитанное на ознакомление детей с либертарными идеями. Грав издавал с первого декабря 1901 года до осени 1902 года, если не позднее, либертарную газету для детей под заголовком «Жан Пьер».

К «Револьте», издававшемуся с 1887 года и к другим газетам прибавилось «Литературное приложение», содержавшее извлечения из старых и новых книг и из текущей печати, выражавшие, иногда похвально воли автора, либертарные тенденции, критику власти, приводившее примеры добровольных выступлений, свободной инициативы, солидарности, или описывавшие грубую жестокость жизни под гнетом капитализма и государства. Из этих материалов Грав составил две поразительные книги: «Война — милитаризм» — 1902, XV — 406 стр. в 8°, и «Патриотизм и колонизация», 1903, VI, 442 стр., при чем последняя книга издана была с предисловием Элизе Реклю и появилась в качестве первого и второго томов серии «Документальной библиотеки». Существует также коллекция шпес в либертарном ду-

хе, написанных хорошо известными авторами: «Детский уголок», 1905, 251 стр.

Были также напечатаны специальные выпуски «Тан Нуво», например: «Отзвук Мошжуха после убийства Феррера» (декабрь 1910), литература о жестокостях рад французскими солдатами в дисциплинарных батальонах Алжира, особенно о страданиях солдата Руссо, которому эта кампания принесла свободу.

«Тан Нуво» также напечатало значительное число прекрасных либертарных рисунков превосходных художников, которыми, таким образом, в качестве сочувствующих, помогли газете. Серия брошюр дошла до № 72 в мае и июне 1914 года. Некоторые листовки, как, например, «Забавка избирателей», сатирическая статья Октава Мирбо, впервые напечатанная в «Фигаро», были изданы в большом количестве, а листовка Мирбо издавалась при каждом выборе.

Этот список покрывает большую часть написанного, а также изданного усилиями Гравы с 1882 года до середины 1914 г. Повидимому, его положение в качестве редактора на протяжении 30 лет благоприятствовало его производительности, которая, однако, при наличии в то время во Франции изобилия анархических и либертарных изданий, вовсе не была такой чрезмерной, как это может казаться тем, кто не имеет отчетливого представления о производительности других лиц в том же роде в тот период во Франции.

Повсеместное преследование анархистов в первых месяцах 1894 года положило конец, более, чем на год, изданию всех анархических газет. «Револьте», поэтому, перестал выходить с 10 марта 1894 года, а «Отец Пейнар» 21 февраля и «Либертарное обозрение» — 20 февраля. Все редакторы оказались либо в тюрьме, либо в бегах в Лондоне. Тогда судебные власти возымели мысль выдвинуть против анархистов всех оттенков одно грандиозное обвинение в том, что все они образуют одну кремольную партию. Это была явная нелепость, так как не было даже тени организационных связей между анархистами,

и так как им легко удалось доказать это на суде, то большой «Процесс 30-ти» предался, и присяжные заседатели вынесли оправдательный приговор. Грав был на суде в качестве политического заключенного по делу о крамольной главе в его книге. Он содержался в той же тюрьме в Клерво, где Кропоткин до него провел почти три года. По амнистии ранней весной 1895 года, он был освобожден, и лондонские изгнанники вернулись. Грав возобновил затем издание «Тан Нуво» 4-го мая 1895 года, а Пуже 11-го мая возобновил выпуск «Ла Сосналь».

Последний регулярный номер «Тан Нуво» появился 25 июля 1914 года, когда еще нельзя было предвидеть близости войны. Следующий номер вышел на двух страницах, том XX, № 15, от 8-го августа, с заявлением, что редактор прекращает издание. Грав, вскоре после того уехавший из Парижа в Англию, где он жил, по большей части, у родственников своей жены или поблизости от них на Западе, изложил свою позицию по вопросу о войне в «Фридом» и в парижской ежедневной газете.

Когда «Револьте» был перенесен из Женевы в Париж, то женевские основатели газеты разошлись во взглядах с Гравом и даже выпустили сами один или два номера «Револьте», которых мне не пришлось видеть. Я, таким образом, не знаю, чем и как они подкрепили свои претензии. Во всяком случае, начиная с того времени, с 1885 года, они больше не возвышали своего голоса. Кропоткин с того времени, так он вышел из тюрьмы, оставался до конца другом Грава, и оказал очень ценную помощь и моральную поддержку газете, на которую он не претендовал, но которую и не оставлял: она была его собственной газетой в том смысле, что он всегда чувствовал себя здесь дома, и Грав и не помышлял о том, чтобы сказать хоть слово против этого. Когда «Тан Нуво» была основана, то Грав, разумеется, выполнял всю работу, необходимую для успеха газеты, Кропоткин же оказывал ему всяческую моральную и большую ли-

тературную поддержку.

Его помощь, а также сочувствие Реклю, несомненно много содействовали тому, что все стали размахивать эту газету, как старые «Револьте» и «Револьте». Под этим впечатлением, газете было сделано много пожертвований. В конце концов, за несколько лет до 1914 года, положение газеты стало более трудным. Тогда многие товарищи стали усиленно работать и помогать ей. Они были названы «Группой «Тан Нуво»». Им не приходилось брать на себя долю личной ответственности, на что они, впрочем, и не претендовали. Они просто сказали помощь, которая была нужна и важна и потому была принята.

Когда война началась, и Грав уехал в Англию, то эта группа не получила никакой специальной задачи, кроме как поддерживать в порядке контору редакции, на улице Брока, № 4. Мнения членов группы о войне разделились. Так как Грав, за своей ответственностью, написал в «Bataille Syndicaliste» то, что он считал правильным по этому вопросу, и так как публика считала его статьи выражением мнений значительной части анархического движения, той части, которую группа в целом поддерживала в течение многих лет, то некоторые из членов группы напечатали несколько писем к подписчикам «Тан Нуво». Первое письмо... Париж, январь 1916 г., подписанное «Группа «Тан Нуво», указывает в качестве места издания улицу Брока (4 стр. в 8°). Это письмо одобряет позицию Циммервальдской Конференции. После этого Грав потребовал, чтобы группа изменила свое название и перестала указывать в качестве адреса улицу Брока. В ответ на это группа, во втором письме, под заголовком «Разногласие» (63 стр. в 16°), содержавшем много документов, исходивших от обеих сторон, подтвердила свою точку зрения. Эта брошюра была издана Комитетом Для Возобновления Международных Отношений.

Разрыв был неоправдан, ибо, так называемая Декларация 16-ти (на деле 15-ти) от 28 февраля 1916 года, подписанная Гравом, Кропоткиным и другими

— документ, против которого Малатеста горячо протестовал — был напечатан в "Bataille Syndicaliste" 14-го марта, в "La Libre Federation" («Свободная Федерация») (Лозана), 14 апреля, а в мае — в Бюлетене № 1. Бюлетень № 2, от августа 1916 года вышел с заголовком «Издание Тан Нуво», улица Брока, 4. В то время, следовательно, лица, опубликовавшие два «Письма», ушли, а Грав и оставшаяся часть группы пришли к соглашению.

В номере 14 этого «Бюлетеня» от апреля 1919 год, 16 стр. в 8°, было объявлено, что «Свободная Федерация» и «Тан Нуво» объединились, и что последняя газета вновь начнет появляться в Париже. Дальнейшие шаги были сделаны в «Бюлетене» № 15 (1-ое мая) и 16 (1-е июня) и в «Тан Нуво». Новая серия началась 15 июля и выходила ежемесячными выпусками до марта 1921 года, при чем №№ 19—21 составили большой выпуск, посвященный памяти Кропоткина. Эта новая серия начата была не против Грavy и не встретила с его стороны возражений. Он даже сотрудничал в ней в течение некоторого времени. Однако, серия была напечатана вопреки его советам. Между ним и группой был полный разрыв, детали которого он излагает в своих воспоминаниях.

Начиная с того времени, он работал один, выпуская маленькие издания, из которых первым было «Кропоткин к западным рабочим» (август 1920 года 8 стр. в 16°), с заголовком «Издания группы печатной пропаганды», № 1», и с личным адресом Грavy. Постепенно стали появляться заголовки «Издания Ла Революта», как, например, на № 11 от февраля 1922 года, и эти издания стали принимать форму маленькой газеты в 8°. Свыше 80 номеров вышли до сего времени. Лица же выпускавшие второе «Тан Нуво» до 1921 года стали печатать ежемесячник "Plus Loin" в Париже, начиная с 15-го марта 1925 года. Таким образом, «Революте» от февраля 1879 все еще живет в двух вет-

ках — в брошюрах Грavy и в названном ежемесячнике. Грав в течение последних 10 лет сотрудничал в нескольких журналах: в «Приложении» к «Протеста» в Буэнос Айресе, в испанском «Ревиста Бланка», в «Пробуждении» и повсюду, где требовались его литературная помощь, его мнение и советы. Он написал также «Записки», которые своим едким стилем показывают, как он научился судить о людях и вещах. Разумеется, здесь нет чрезмерного энтузиазма после стольких горьких опытов, но нет и горечи, так как его желание — быть справедливым, думать то, что он говорит и говорить то, что он думает.

Таковы те сведения о нашем старом товарище Жане Граве, которые могут представлять общий интерес. Мы видим его интенсивную деятельность в ранние дни его жизни, когда он сделал так много для того, чтобы сохранить в целостности молодые группы 1880—82 годов. Он сделал все возможное, чтобы удержать парижское движение от уклонов 1885—88.

Когда же пришло время собирать плоды, и анархизм стал популярным, даже модным, в кругах молодых литераторов и художников Франции, он остался на своей позиции, не отвергая этих успехов, но и не преклоняясь перед ними. Он был как скала против всех форм политического социализма и никогда не преклонялся перед синдикализмом, даже в те дни, когда 1906 года, когда синдикализм казался всемогущим.

Грав помогал в нескольких больших кампаниях против жестокости и несправедливости и пытался вспахать новую либертарную почву, подобно тому, как он это и раньше делал в своих статьях о воспитании и о детской психологии. Не стану разбирать здесь вопрос о войне. Пусть те, кто считает себя непогрешимым во всем, бросят камень в него. Я никогда не стремился принадлежать к числу непогрешимых. Грав, может быть, был неправ и в других вопросах, но кто же безгрешен?

Истолкование коммунистического антагонизма в произведениях Грива является предметом, который должен остаться открытым для критики. Однако, подробно разобрать этот вопрос теперь невозможно. При первом взгляде кажется, что Грив чрезмерно упрощает вопросы, упускает из виду трудности, искусственно устраняет препятствия, путем голых рассуждений, которые не подкреплены экономическими соображениями, что он мыслит отвлеченно, что его доводы имеют силу лишь на бумаге.

Многое здесь объясняется старым пропагандистским духом, который излагаетновичку теорию с ее лучшей стороны. Частично дело объясняется также профессиональным недостатком старого редактора, работающего в одиночестве и чувствующего себя в своей газете у себя дома, а потому слишком произвольно отбрасывающего в сторону противоречия.

Лично он прошел путь развития от крепкого оптимизма своих ранних дней до нашего времени, и его более поздние описания полны критических соображений. Но, как показывают очень многие номера других газет, от 1879 до 1914 г., поколения критиков также имели возможность высказываться на страницах этих разнообразных и тщательно редактированных газет, и они оказались не более продуктивными, чем оптимисты, если уж считать этих последних непродуктивными. В конце концов, самое главное состоит в том, чтобы пробудить мысль и волю к лучшей и свободной жизни, для того, чтобы своим ежедневным, индивидуальным (и коллективным) поведением люди ежедневно утверждали свою волю и неуклонно шли против системы, которая все еще признает в них только предметы, предназначенные для поддержания «государства» и имущих классов у власти.

Равновесие крепкой веры, горячих надежд, личных качеств, солидарности и преданности является хорошим снаряжением для этого пути. Для развития этих качеств в людях, Жан Грив, находясь в са-

мом центре столь многих хороших и талантливых людей в своей собственной обширной стране и в международном масштабе, имел, в течение многих лет наилучшие возможности. Эти возможности он использовал наилучшими возможным для него способами.

Он не мог в то же самое время выполнять и всякого рода другую либертарную работу — организационную, повстанческую, ораторскую и исследовательскую, — не мог соединить личную активность и либертарное экспериментирование, — не так-ли? Поэтому он стал легендарным и о нем сложились поговорки, как о человеке, неотделимом от той единственной газеты, которую он издавал в течение 30 лет, — что же в этом плохого? Мы желаем только, чтобы было побольше таких, как он. — Людей активных, интересующихся либертарной работой, каким он был в 1879 и каким он остается в 1934 году.

Его последние годы были мучительны, по причине физических страданий и утраты друзей и его второй жены. Эта женщина была одною из четырех сестер, живших в Уэльсе, которые, будучи либерально настроены, посетили однажды Кропоткина. Когда они собрались в Париж, то г-жа Кропоткина посоветовала им посетить Грива в его пещере. Так, благодаря случайности, они встретились с ним. Одна из них полюбила его. Позднее, Грив, никогда не двигавшийся, несколько раз ездил в Уэльс. Никто не мог объяснить себе причины этих поездок, пока Грив не женился на женщине из Уэльса. Говорят, что они жили очень счастливо. Так что не обошлось без романтики и в жизни старика, который для других, едва ли когда либо выдавших его, был недоступным «папой» с улицы Муфтар и с улицы Брока, — тираном, который осмеливался не печатать все то, что ему посылалось, а дерзко браковал рукописи и вызывал этим жалобы и нарекания.

Когда он действовал независимо, то его называли упрямым, а когда он предоставлял вещи самим себе, то о нем го-

порили, как о рабе рутини и доктрини. У него была широкая спина и едкий юмор, который иногда наносил жестокие удары. Очень жаль, что большие промежуток в 1914, 1916 и 1919 не были записаны, и что работа Грива не была возобновлена в прежнем большом масштабе в течение последних 15 лет. Движение далеко не было так богато, чтобы можно было позволить себе с легким сердцем лишиться Грива.

Мы ничего не сможем разрушить или построить для истинно хорошей цели до тех пор, пока таких людей, каких обучал и воспитывал Грив, не станет гораздо больше. Мы не сможем возродить блестящий период французского анархизма 1889—1894, пока люди такого типа не помогут анархизму поднять голову, подобно тому, как они это сделали в период роста и мощи синдикализма в 1895—1908. В этом — неумирающая заслуга Грива. Он

не мог, как не могла и никакая другая человеческая сила (как показал результат) дать иное направление роковым течениям, которые, во всех областях жизни, в годы, предшествовавшие 1914 году, подготовили умы людей для военной бойни и для последовавшего затем периода реакции. Здесь он, как и почти все другие, был унесен потоками зла по течению.

Лично я люблю его прямую и открытую манеру, отсутствие церемоний и фразы. Он повсюду создавал вокруг себя атмосферу доверия и солидарности в общем деле. Он умел держать чужаков на расстоянии, но у тех, кого он знал в качестве хороших товарищей, дружественная атмосфера чердачка на улице Муффтар и полуустных комнат на улице Брома навсегда останется дорогим воспоминанием.

М. НЕЙТЛАУ.

ВОЙНА.

Нет ничего ужаснее войны!
В ней все—жестокость, зверство, страх!
Ее кошмарные следы —
Костыль калек и смерти прах.
А путь ее — пожаров ряд
И ряд довременных могил...
О, если существует Ад,
В войне себя он воплотил!
И если Иисус свой Крест
Принял за проповедь Любви,
То был укор, то был протест
Слепому бешенству войны.
Под стали шум и вопли и проклятья,
Смертельно - раненый на землю я упал

И понял вдруг, что все мы люди—братья.
Что брата брат преступно убивал.

Собраг остаток сил, хотел я приподняться
И крикнуть им: «Зачем здесь окены крови?
Безумцы! Руки прочь! Не смейте больше
драться!»

Но не сумел. Из раненой груди
Сочнаась кровь, и было страшно больно,
Мои глаза закрыл густой туман,
И, как во сне, я слышу бред безвольный:
«Смерть... ужас... кровь... убийство и об-
ман»...

Анатолий Консе.

НЕСТОР МАХНО.

1889—1934

Смерть Нестора Махно — тяжелый удар для русской революции вообще и анархического движения в особенности. В его лице революционное анархическое движение потеряло одного из лучших и активнейших борцов. Этот удар тем тяжелее, что роковая смерть явилась неожиданной и преждевременной.

Нестор Махно — сын бедной крестьянской семьи. Он очень рано лишился отца и уже 15-летним юношей вынужден был работать сначала в имениях помещиков в качестве чернорабочего, а затем лифтишником на одном механическом заводе. Он многое видел и выстрадал, горько убеждаясь к жестокой несправедливости, разделяющей людей на паразитов и тружеников, богатых и бедных, господ и рабов. И в нем рано начали пробуждаться чувства справедливости к своим братьям-рабочим и ненависть к хозяевам — эксплуататорам.

Его революционные взгляды и убеждения складывались постепенно, шаг за шагом. Наступившие в России революционные события 1905 года оказали на

него огромное влияние. Он стал ближе знакомиться с программами и стремлениями политических организаций и, разобравшись в них, решительно прижмул к анархистам, в рядах которых принимал самое активное участие, рискуя даже своей жизнью.

За участие в одном террористическом акте Н. Махно был в 1908 году приговорен царским судом к смертной казни, замененной, в виду его несовершеннолетия, безсрочной каторгой. Жизнь в каторжной тюрьме была для него тяжелым, подчас невыносимым мучением. Он много раз наказывался тюремным начальством за свой упорный характер и неоднократные протесты против жестокого обращения с заключенными, и за это он не раз отсиживал в холодных карцерах, где и надломил свое здоровье. Но несмотря на тяжелое положение, он старался использовать свое пребывание на каторге в целях дальнейшего самообразования, уделял много времени на изучение истории, политической экономии и социологии. И пробыв в заточении около 9 лет, он был освобожден, наряду с другими политическими заключенными, благодаря разразившейся мартовской революции 1917 года.

Выйдя на свободу, Н. Махно все свои силы посвящает делу организации рабочих и бедного крестьянства. Способный агитатор, он скоро становится во главе революционного повстанческого движения на Украине, где организует армию из 60,000 крестьян. Эта армия боролась в бурный, революционный период 1918-1921 г.г. против всякой власти и диктатуры какой бы то ни было политической партии и за полное самоуправление трудящихся на местах. Идеалом Н. Махно и махновцев была вольная, независимая Украина.

В начале 1918 г. Махно и его повстанческие отряды объединили свои военные силы с большевиками и красной армией и совместно боролись против контр-революционных банд Врангеля, Деникина и

Петлюры. Но эти объединенные действия долго не продолжались. Как только большевики укрепились в своей власти, они изменническим образом расторгнули заключенный с махновцами военно-политический договор, чем и вынудили их повести самостоятельную борьбу и против «красной армии» большевиков, и против «белых армий». Этого большевики никогда не могли простить махновцам. И с целью дискредитировать Н. Махно и повстанцев-махновцев, они начали обвинять их в антисемитизме и устройстве еврейских погромов.

В 1921 г. Н. Махно, окруженный многочисленными красноармейскими войсками, разбившими отряды махновцев, вынужден был оставить пределы Украины и переехать за границу. Здесь, в изгнании, оторванный от непосредственной социальной борьбы трудового народа, ослабленный физически развившимся туберкулезом, он жил упованиями и надеждами на возобновление борьбы против врагов рабочих и крестьян и за полное освобождение их от ига капитала и власти. Но его мечтам не суждено было осуществиться при жизни и он умер на 45 году своей, сравнительно, молодой революционной жизни.

Обвинения Н. Махно в антисемитизме и личной причастности к еврейским погромам, конечно, ложны и ни на чем не

основаны. Они легко опровергаются как личным активным участием многих еврейских анархистов в рядах махновцев, так и делом рядом честных свидетелей, так или иначе соприкасавшихся с Н. Махно и махновским движением, как Александр Беркман, Аршинов, Воля, Шварцбард (застреливший погромщика Семена Петлюру) и др., удостоверивших, что Нестор Махно, как идейный и морально воспитанный анархист, всегда боролся против всяких погромщиков - угнетателей и за свободную Украину. И он не только боролся словесно против антисемитизма и погромщиков, но саморучно застрелил (27 июля 1919 г.) контр-революционного атамана и погромщика Григорьева. Обвинять его, поэтому, в антисемитизме и личной причастности к еврейским погромам — исторически преступно.

Пусть злорадствуют большевики и их продажные агенты по поводу смерти Махно, не дававшего им покоя при жизни, но пусть также запомнят, что они несут в этом известную долю вины. И когда русский революционный народ сбросит иго диктатуры и освободится от большевизма-насильников, он с гордостью и любовью вспомнит своих славных и подлинных борцов, среди которых Нестор Махно займет одно из первых мест.

Л. Липоткин.

ПРИЗЫВ.

Восстанем-те, братья, и с нами народ,
Под знаменем черным восстанет вперед.
И смело под пулями ринемся в бой:
За веру в коммуны, как верный наш строй.
Разрушим все троны и власть капитала,
Сервем все порфиры с золотого металла.
Не станем мы чтить, а кровавой борьбой
Зачем нам власть и все их законы —
Мы долго страдали под гнетом ценой.
В пестле и по тюрьмам, в руках палачей.
Время восстать и сплотиться в ряды:
Под черное знамя великой борьбы!
Довольно служить вам тиранам машиной,

Ведь все это служит великой им силой.
Восстанем же, братья, рабочий народ:
И всех их сотрем мы, как хищников род.
Ответим тиранам за ложный их строй.
Мы вельные рабочие, мы воли полны.
Да здравствует Свобода, братья коммуны!
Смерть всем тиранам тюрьмы.

Восстанем же, братья, под звуки сигналов,
Под знаменем черным на всех их тиранов.
Разрушим же власти и подлый их строй,
Который толкает в кровавый нас бой!

Н. МАХНО.

Відповідь на статтю „Помер Махно“ в „Новій Порі“ від 9-го серпня 1934 року, гор. Детройта, Мич.

Вішадково попала до моїх рук стаття „Помер Махно“ з „Нової Порі“ від 9-го серпня 1934 року. г

Читала ту статтю й від душі помилялася, хоч мені й не до сміху тепер.

Усе в ній від початку до кінця не серйозне, не відповідає дійсності.

Та людина, що писала ту статтю, як і багато інших, що в різні часи бралися писати про Махна чула звін, та не знає де він, чула що була така видатна постать під час революційного руху на Україні Махно, та що під його керівництвом відбувався якийсь там народний рух, що звався Махнєвщиною, але що такий був сам Махно, до чого він прагнув, за що боровся, представником, виразником та захистником яких дум, прагнень, бажань та змагань широких мас українського трудового люду, був яким довірям, та любов'ю тих мас народніх користався, якої кількості та якості була та армія, на чолі якої стояв Махно, усе те є невідоме автору: тиєї статті.

З перших же рядків автор помиляється називаючи Махно Михайлом, тоді, як дійсне ім'я Махно є Нестір.

Столярем у Паризі при театрі Н. Махно ніколи не був. Ніколи ніякого рабства ні Махно ні махнівці не вбивали, ніякої молодой дівчини жидівки не водив Махно до священника христити.

Ніколи ні з ким Махно не вівчався в церкві, бо як справжній анархист-революціонер не визнавав церковного шлюбу.

Дружиною Махно була я, Галика Кузьменко, дочка українського селянина.

Не називав Махно свій рух повстанчий „анархістичної республікою“.

Ніколи Махно не видавав ніяких „своїх“ грошей, а ні з написами, а ні без написів. Усе то байки, наговори, відголоски казок та легенд, яких багато тоді утворювала народня фантазія.

Не мав і не має такеж Махно нічого спільного а ні з типом Зеленого та Гри-

горіва, а ні з Петлюрою, Коповальцем, Винниченком, та пиями. Але у автора тиєї статті усі, думаючи інакше, як він, усі хто не бажав та не підтримує гетьмана, є махнівці.

Не зрозумів, де збачнув також автор і „теорій“ Махно та махнівців, та несе всяку пісенитницю про якусь там „свою теорію Махна“, яка зовсім не відповідає дійсності. г

Хто ж такий насправду був Махно, за що він боровся, да чого прагнув?

Нестір Іванович Махно був сином бідного селянина, бувшого кріпака. Родився він в селі Гуляй Полі 27 жовтня 1889 року. Малим хлопцем злиднями примушений був заробляти собі шматок хліба, то працюючи піднаском, то поганяючи волів в гарбі у поміщиків. А піднявшись трохи на ноги по скінченню початкової школи, молодим хлопцем, почав працювати чавуноливарному заводу.

В 1906 році Нестір Махно вступив до українського гуртка Хліборобів Анархистів - комуністів.

За палку енергійну революційну працю, якій віддавалась в ті роки українська революційна молодь, за самозречення жорстоку боротьбу з царизмом, за політичні вбивства, та експропріяції Н. Махно було заарештовано, та засаджено до в'язниці.

В 1910 році Н. Махно був засуджений Одеським місьською - окружним судом до смертної кари, 52 дні просидів він під тим приговором, після чого йому кару на смерть було замінено на безтерминову каторгу. г

На каторзі в Московському централі й просидів Махно до вибуху Великої Російської Революції 1917 року, коли двері для всіх політичних в'язнів було відчинено.

Махно повернувся до дому на батьківщину, до свого рідного села Гуляй-Поля.

З новою силою та енергією вивулся

він в революційну бурю, та в короткім часі завсював собі величезні симпатії, довіря, та щирю любов українського селянства та робітництва, яке в ріжні часи своєї революційної боротьби завше вибирало його на цілий ряд відповідальних громадських посад. А пізніше, коли настала пора виступити зі зброєю в руках на захист здобутків революції та права народного ті ж самі українські селяне та робітники назвали його „батьком“ та поставили на чолі спочатку невеликого отряду, а потім і на чолі цілої Революційно-Повстанчої Армії України (Махнівців).

І та армія, яка складалася з добровільно вступивших в неї українських селян головним чином, під час свого найбільшого розвитку нараховувала в собі кілька десятків тисяч повстанців, а не дві тисячі, як то говорено в „Новій Порі“. Боролася та Революційно повстанча армія махнівців зо всіма, хто силкувався захопити Україну та наставити там свою владу, зашироку всебічну волю трудового люду України, за вільний радянський лад, при якому вся країна була би вкрита місцевими зовсім вільними й ні від кого незалежними соціально громадськими органами самоврядування працюючих.

За звільнення України від усякої окупації її зовні, та так, за трудову, соціально політично - економічну та національно-міжнародно незалежність України. За перехід усіх земель, фабрик, заводів та других громадських підприємств в безпосереднє розпорядження трудового люду, який приймав безпосередню участь своєю працею в здобуванні та обробці багатств

природи.

За своводу слова, совісті, друку, партійної та політичної неалежності и т. д.

Та хіба ж у цих коротких рядках, обмежених місцем та часом розкажем про все те що уявляла собою та як боролась Махнівщина, та тільки що розкута, прагнуча свободи та всебічної волі народня душа віковичного працівника, виразником та захисником якої була та Махнівщина, хіба ж обхопив в кількох коротких словах увесь той складний довгий та тяжкий тернистий, героїчний шлях, по якому три з половиною роки йшли махнівці на чолі з Н. Махном, самозреченно борючись за волю, за свою правду?..

Ні, короткими словами тут всього того не розказати, не обхопити, не виявити. Про все те жоно говорити без кінця, без уніну на все те потрібно дуже боги-то часу та місця.

Одначе цікавому читачеві, якому захотілося би довідатися правди про Махно та Махнівщину, можно порадити прочитати „Історію Махновського Движення“ Аршинова. „Русская Революция на Украине“ Н. Махно та цілий ряд статтів Н. Махно та інших, які друкувались в анархістичній пресі.

Уся ж инша, досить численна література по цьому питанню здебільша до останнього часу продовжує на зразод „Нової Порі“ расповсюджувати усяки байки та видумки, наговори, та паклети, які зовсім не відповідають дійсности.

Г. Кузьменко.

Венсен, Франція.

Осуществим-ли анархизм в настоящее время?

Фомы Неверующие всегда были. Есть они и сейчас. Оказались они и в рядах анархистов. И творят они то же самое тлетворное дело, которое творил их прародитель, — сеют скептицизм и сомнение.

Если открытые противники анархизма говорят о невозможности осуществления этого учения — это вполне понятно и не так опасно. Но если об этом говорят те, кто яко-бы симпатизирует анархизму — дело тут серьезное и в высшей степени опасное. Тут уж необходимо принятие соответствующих мер.

Фомы Неверующие пришли к заключению, что анархизм неосуществим в настоящее время. Но почему он неосуществим, — Фомы на это надлежащего ответа не дают. Просто — им так кажется. И свое личное мнение они пытаются выдать за общее правило. На таком основании можно что угодно отрицать. Можно, на пример, доказывать, что никакой Волги в Европе нет. А если потребуют доказательства — ответить: мне так кажется.

Ошибка Фом от анархизма заключается в том, что они не понимают анархического учения. На анархизм они смотрят сквозь очки фантазии. Они представляют людей в анархическом обществе в виде ангелов, беснуемо носящихся на крыльях, не касаясь даже кончиками пальцев нашей грешной земли. Никаких болезней, никаких забот о существовании. Все уютно слыше, порхай только, как пичка, и славь творца. Такой анархизм, конечно, неосуществим в настоящее время. Но, собственно говоря, это не анархизм, а обыкновенная фантазия.

Подлинный анархизм — не воздушный замок. Подлинный анархизм базируется на реальных вещах. И такой анархизм осуществим во всякое время. Не только сейчас, но 100-200 (и больше) лет тому назад все предпосылки были налицо для осуществления анархизма.

Два основные качества заключаются в анархизме: свобода и справедливость.

Поэтому же, кто доказывает невозможность осуществления анархизма, логически отрицает эти качества и становится в защиту несправедливости и порабощения. Сказать: анархизм неосуществим — то же самое, что сказать: да здравствует обман и рабство!

Конечно, когда мы говорим об обмане и рабстве, то мы представляем две категории лиц: первая, для которой обман и рабство приносят выгоды, вторая — получающая одни лишь невзгоды. Само собой разумеется, что для первой категории анархизм никогда не будет осуществим. Все обманщики и порабощатели всегда будут доказывать «безжизненность» анархизма. Но нас это мало смущает, ибо мы знаем, что для второй категории — той части общества, которая несет на себе гнет — анархизм давным давно приемлем. Еще наших Фом Неверующих на свете не было, а униженные и обиженные уже чаяли анархизма, как возмущения воды.

Басня о несовершенстве человечества так же стара, как мир. Всегда находились «мудрецы» — особенно те, кому удалось усесться на спинные других — твердившие, что человечество, дескать, еще не совершенно, а поэтому должно нести на себе печать горя и печали. К этим «мудрецам» присоединились и сбившиеся с толку анархисты. Мы знаем, что каждый человек имеет право на заблуждение. Пусть заблуждается! Никто ему не станет мешать — до тех пор, пока он не станет своего заблуждения навязывать другим. Мы молчали, ничего не говорили о заблудившихся анархистах, пока они не выступили публично с своим лже-толкованием. Дальше молчать нельзя. Камни возопиют, если человек, причисляющий себя к анархистам, начнет говорить о неосуществимости анархизма.

Такой случай был — в Детройте. Публично было заявлено, что анархизм для наших дней не годится. Нужен, дескать,

переходный период, пока человечество окончательно не созреет. Вот еще способ ускания пыли в глаза — переходный период! Кто только за него не хватался. Всякие дегенераты трубили нам об этом переходном периоде. Интересно бы знать, когда этот период начинается и когда он кончается. Не может-ли он превратиться в нечто нескончаемое? Пожалуй, что может, ибо та зрелость человечества, о которой мечтают разные фантазеры, никогда не наступит. Человечество не дыня, которая в определенное время созревает, а потому начинает гнить, если ее не уберут с поля и не съедят. Человечество в одно и тоже время являет собою и зрелость, и перезрелость, и незрелость. Так было, так есть и так будет.

Если стать на точку зрения наших лже-толкователей, то можно придти к заключению, что Кропоткин, Бакунин, Прудон и др. теоретики анархизма просто ничего не смыслили. Ибо, если в наше время анархизм неосуществим, то как же он мог быть осуществим во дни Кропоткина или во дни Бакунина и Прудона? И нужно же было нашим «мудрецам» так поздно посетить нашу планету! Пусть бы они раньше и пришли, — по крайней мере тогда, когда Кропоткин ясно излагал осуществимость анархического коммунизма, — и заявили, что ты, Кропоткин, дескать, ничего не понимаешь, а вот мы все знаем..

В самом деле, как быть с десятками томов той анархической литературы, в которой определенно доказано, что анархизм осуществим? Сжечь эти книги — что-ли? Ведь если анархизм неосуществим, то зачем нам труды Кропоткина? Нет, наши лже-толкователи слишком далеко зашли. Подобно крыловскому голубю, они, сами того не замечая, запутываются в сплоск. Впрочем, пусть запутываются. Скатертью им дорога. Но другие не должны следовать за ними.

Раз и навсегда необходимо запомнить, что люди никогда не станут воздушными змеями. Люди всегда будут людьми со всеми их природными качествами — до-

стоинствами и недостатками. Кстати — несколько слов о недостатках людей. Принято думать, что есть природные преступники, т. е. люди, со врожденными преступными наклонностями. Так думающие очень часто совершают ошибку: привычку они принимают за натуру. Взять к примеру, бутлегеров. До проведения «сухого» закона никто не знал что такое бутлегер. С проведением же этого закона (теперь он снова отменен) многие лица до того пристрастились к тайному виноделению, что смотря на них со стороны, можно подумать, что они родились с влечением к этому ремеслу. То же самое можно сказать и о других преступниках. Очень многие из них стали преступниками в силу окружающих обстоятельств. Совершив раз преступное дело, совершив другой раз — голова постепенно привыкает к этому. Говорят ведь, что привычка вторая натура. Привыкнуть можно ко всему — и к доброму и к худому. К худому, пожалуй, скорее, чем к доброму, и так как современный строй таит в себе много худого, поэтому и люди с худыми наклонностями встречаются сравнительно часто. Бедность, с одной стороны, а богатство — с другой, лучшие проводники преступности. Дети бедняков растут без школы, без знаний, без света, без ласки, без радостей жизни, а зачастую и без куска хлеба. Удивляться поэтому приходится не тому, что некоторые из них становятся преступниками, а тому, что не всех их захватывает волна преступлений. (Мы здесь все время говорим о преступности с чисто формальной точки зрения, что далеко от истины. Если, напр., голодный берет в булочной булку хлеба, то с формальной точки зрения он совершает преступление; в действительности же здесь никакого преступления нет, ибо человек берет то, что ему нужно). Дети богачей растут в атмосфере безграничной пресыщенности. Им широко открыт путь к безудержному разгулу и кутежам, чему они, конечно, и предаются. Чего же путного можно ожидать от этих баловней судьбы? Есть еще не-

мало других причин, толкающих людей к худу. В сущности весь современный строй ведь несправедлив. Все построено на обмане и лжи. Вся атмосфера пропитана пороком. И люди вдыхают эту атмосферу! Чего же вы хотите от людей, впитывающих в себя отраву? Хотите, чтобы кристалл, находясь в грязи, сверкал? Нет, этого не может быть. Опустите грязь и кристалл заиграет переливами радуги. Оздоровьте атмосферу и пороки людей канут в вечность.

К этому анархизм стремится. Анархисты требуют устранения всех социальных пороков, т. е. пороков, созданных силами мира сего. Как только эти пороки будут устранены — «природные преступления» отойдут в область воспоминания и теперешнее «несовершенное» общество станет вполне совершенным. Это, однако, не означает, что люди станут какими-то пышными существами, всегда поющими и постоянно улыбающимися. Повторяем: человек не станет ангелом. Если бы небо всегда было чистое — было бы плохо. Не было бы дождей и солнце успело бы все выжечь. Нужны, следовательно, иногда тучи на небосклоне. Будут тучки в личной жизни каждого человека и при анархическом строе. Болезни, напр., не перестанут беспокоить людей. Неудачи, как романтического, так и бытового характера, вполне возможны. Не всегда, следовательно, душа индивидуума будет настроена на веселый лад. Будут и печальные восторги. Будут и вздохи, и вопли. Этого нельзя отрицать, но в то же время и бояться нельзя этого. Тут нет ничего страшного — конечно, поскольку все это вызвано естественным ходом вещей. Горе, которое пережил великий итальянский поэт, не исключено при анархистическом обществе; но горе, переживаемое в настоящее время миллионами рабочих — работающих и безработных — вполне исключено. Если человек, потерявший свою возлюбленную, заболевает и погибает — тут никакие социальные перемены не помогут; но если человек заболевает в ре-

зультате несносного труда и негигиенических условий жизни — тут делу помочь можно. Анархисты все это учитывают; они знают, что есть невзгоды двоякие: естественные и искусственные. Если их устранить, горькая в жизни станет меньше, но все же... реки не потекут молоком.

Нельзя объять необъятного — вот умные слова! Нельзя требовать устранения того, что неустранимо. Устранять нужно лишь то, что устранимо. Если мы станем на эту точку зрения, то мы убедимся, что анархизм осуществим в любой день и в любой стране. Допустим, что у кого-либо из нас окажется автомобиль. Разве он не будет портиться при анархическом строе? Конечно, будет. Так же будут изнашиваться шины, ломаться камеры и т. д. Но из этого не следует, что анархизм неосуществим.

Лица, твердящие о невозможности осуществления анархизма, тем самым совершают великое глумление над миллионами тружеников. Они одобряют и оправдывают все те невзгоды, которые переносит большая часть современного общества. Самым лучшим аргументом в споре с подобными лицами было бы — поставить их на положение рабочих. Тогда они не говорили бы о невозможности осуществления анархизма. Тогда они убедились бы, что время для осуществления анархизма давно давно назрело.

Но почему же — могут сказать Фомы Неверующие — те миллионы рабочих, для которых анархизм необходим, не требуют его осуществления. Ведь их много, они — сила, могли бы провести в жизнь что угодно. Ответ на это очень прост: рабочие в своей массе вообще ничего не требуют. Они не требуют анархизма, но они не требуют и капитализма. Они еще не научились требовать — и в этом их горе. Но те, кто уже прозрел, должны требовать. Задача прозревших — рассеивать мрак, нависший над рабочими, а не стучать его. Сеятелей мрака есть и так много. Все капиталисты, духовенство и чиновничество занимаются этим. За-

чем же умножать лагерь мракобесов?

Если мы присмотримся хорошенько к современному обществу, то, в противовес Фомам Неверующим, увидим, что даже сейчас, при капиталистическом строе, есть много анархических начал. «Недоросли», «плохие» люди не так уж падки на плохие поступки, если их к этому не толкают окружающие обстоятельства. Почти во всех больших городах имеются рестораны, в которых открыто лежат вилки, ножи, ложки и стоит сахар на столе. Никто, однако, из посетителей не кладет в кофе больше чем нужно сахара и не тащит с собой ложек и ножей домой. Никто также не едет трамваем дальше, чем ему нужно, несмотря на то, что плата за проезд одинаковая. Все сообразуются, так сказать, с своими потребностями. Апельсины на севере считаются лакомством, но на юге они валяются под ногами. Во Флориде, например, вы можете видеть такую картину: стоят деревья; поблизости никакого жилья; земля под деревьями устлана опавшими плодами; прохожие посмотрят на валяющиеся плоды, и идут дальше. Апельсины гниют — никто их не подбирает. А почему это так? Потому что во Флориде апельсины избыток. Там все ими пресыщены. А надо отметить, что жители юга в прогрессивном отношении далеко отстали от жителей севера. Однако, и эти «стесненные» люди знают меру своим потребностям и не берут того, что им не нужно.

Вот точно так же и хлеб.. Пусть у нас будет столько хлеба, сколько во Флориде апельсинов, и пусть он будет лежать везде открыто, — поверьте, никто не станет кушать больше, чем того требует его желудок. Давно известно, что заманив только тот плод, который запрещен; если же плод не запрещен и если его имеется в изобилии, он утрачивает всякую заманчивость.

Если бы все апельсины на юге находились под запретом, нет сомнения, что их воровали бы. Но так как они не запрещены и в большом изобилии доступны

каждому — на них никто внимания не обращает, а если и обращает, то исключительно постольку, поскольку он в них нуждается. Как видно, слова: «каждому по потребностям» имеют не только экономическое, но и психологическое значение. Они означают не только то, что обществу должно предоставить каждому индивидууму полное право брать то, в чем он нуждается, — они означают также и то, что каждый будет брать как раз столько, сколько ему необходимо. Лишнего никто не возьмет. Эта черта человеческой природы давно была охарактеризована в басне «Демьянова уха». Фока, который был «сыт по горло», всеми мерами старался отказать от лишнего угощения.

А вот еще пример, доказывающий, что современные «неаккуратные» люди не весьма скоры на неаккуратность. В некоторых городах большие газеты имеют свои киоски. К столбу прикрепляется ящик с небольшим отделением для монет, в ящик кладутся газеты — вот и киоск. Специальный надзиратель к каждому киоску назначается, поэтому оттуда можно вытащить все газеты, не бросив в ящик ни одного сента. Никто, однако, этого не делает. Каждый, кто хочет взять газету, прежде чем достать ее из ящика, бросает в ящик три сента, т. е. стоимость газеты. И делается это не из уважения к частной собственности (никто в данный момент о собственности не думает), а просто потому, что каждый берущий газету чувствует, что он должен заплатить за нее. Чувство долга, как видно, природная особенность человека.

Подобных примеров — незначительных на первый взгляд — можно привести сколько угодно. Начала анархических взаимоотношений можно заметить на каждом шагу. Нужно лишь для этого отрешиться от фантастических взлетов и присматриваться к реальным фактам. Мнение, что люди не режут друг другу горла только потому, что существуют власти и законы, давно давно опровергнуто. Давно доказано, что если бы люди на самом де-

ле так рвались к взаимовредительству, как это некоторые утверждают, тогда никакие власти, никакие законы не спасли бы нас от всеобщей потасовки. Есть тысячи путей, при помощи которых можно обойти любой закон и пресловутый лозунг «война всех против каждого» превратить в действительность. Почему же эти люди, добровольно выполняющие свои обязательства и не доходящие до «бешеного каления» даже при капиталистическом строе, где сами обязательства — нищета и нужда — толкают к этому, не могут жить свободно? Неужели свобода вредна и чужда натуре человека?

Утверждать подобное может только лицемер. На основании многочисленных фактов мы знаем, что все стремится к свободе и все дорожит ею.

А быть может, у нас недостаточно материальных благ для того, чтобы каждый получил то, что ему необходимо? Это тоже неверно. Буржуазными учеными (т. е. защитниками современного строя) доказано, что ход промышленности в последнее время не превышает 25% ее нормального хода. А между тем мы страдаем от «перепроизводства». Кризис и безработица объясняются накоплением огромных излишков (товаров). Что же было бы, если бы пустишь индустрию полным ходом? У нас оказались бы горы товаров. О каком же товарном недостатке тут могла бы быть речь? Теория Мальтуса (о недостатке пищевых продуктов) вполне опровергнута современным фермером, способным прокормить 25 человек в год.

Одним словом, мы нигде не видим преград для осуществления анархизма. Единственной преградой в данном случае является класс поработителей и вообще те лица, которым живется хорошо в настоящее время. Эти паразиты из кожи лезут вон, чтобы современный строй выставить в свете самого идеального социального устройства. Да оно и понятно. При анархическом строе современным паразитам пришлось бы трудиться для того, что бы пользоваться одинаковым правом на

жизнь и на материальные блага. А трудиться они не хотят. Они привыкли сидеть на чужой шее и сосать кровь из потовых рабочих. В лагерь этих паразитов фактически перешли и наши Фомы Неверующие.

Повторяем: каждый человек имеет право на заблуждение. Но никто не имеет права искаженный вид выдавать за подлинник. Если Фомы Неверующие говорят, что анархизм неосуществим в настоящее время, то следует понимать, что это утверждение относится к их «анархизму» (искаженному), но не к тому анархизму, который горит, подобно солнцу.

Говорить о каких-то специфических моментах уместно, когда речь идет о марксизме или капитализме, базирующихся исключительно на материальном фундаменте. Без наличия свободной торговли и ничем неограниченной эксплуатации капитализм немислим; точно также марксизм немислим без наличия пролетариата (обманутого). Но анархизм — не марксизм и не капитализм. Анархизм коренным образом отличается от всех социальных учений, вышедших из экономического материализма. В основе анархического учения лежит не экономический детерминизм, а естественное право человека на жизнь, — жизнь вольную, свободную, без господ и рабов. Это право присуще каждому человеку, независимо оттого, в какое время и в какой стране он живет. Поэтому-то время и пространство для анархизма не играют никакой роли. Во всякое время и в любом месте земного шара анархизм — желанный гость. Доказывать обратное — значит, идти против законов природы. Ничто в природе не отказывается от свободы, — почему же человек должен отказываться от нее?

Почему он должен терпеть гнет и нужду до наступления каких-то особенных времен? Почему птица ни одной минуты не хочет быть в неволе, а человек всю свою жизнь должен носить на себе цепь рабства? Неужели человек является са-

мым несчастным из всех земных существ?

Впрочем, мы отвлеклись. Мы забыли, что есть человек и человек — раб и господин. Если бы все люди были рабами, можно было бы еще мириться с этим, так как это было бы рабство естественное, против которого было бы безумно возставать. Но мы видим, что есть рабы и господа. Иначе говоря, естественного рабства нет, — есть рабство искусственное, терпеть которое — а тем паче культивировать его — величайшее преступление с точки зрения естественных законов. В самом деле, почему один человек может быть свободен, а другой — нет? Если люди еще не доросли до свободы (как это твердят Фомы Неверующие), то почему этот «недорост» не относится ко всем людям? Почему Морган может быть свободен, а уголеон не может? Неужели президент Рузвельт награжден природой какими-то особыми привилегиями по сравнению с теми миллионами безработных, которые питаются хлебом и водою? Ведь это полнейший вздор. И Морган, и уголеон, и президент Рузвельт, и безработные были одинаковы пока они питались грудью матери. Но потом вышло так, что одни «не доросли» до свободы, а другие даже слишком доросли. И вот наши Фомы, говоря о «незрелости» общества, забывают, что у нас есть лица, даже очень «перезрелые», ибо они пользуются не только своей свободой, но и чужую порабощают. Стало быть, даже теперешний строй опровергает доводы Фом Неверующих. Все современные диктаторы, правители и порабощатели пользуются полнейшей свободой, только вот рабочие, по

мнению Фом, почему-то еще не доросли до свободы.

Доказывать неосуществимость анархизма — то же самое, что оправдывать существующий строй. Раз должное не годится, стало быть **сущее** хорошо. Впрочем, наши Фомы этого не скрывают. Они доказывают, что такая власть, какая находится в настоящее время в Вашингтоне — хорошая власть. Если бы наши Фомы с подобной проповедью выступили несколько лет тому назад, возможно, они и имели бы некоторый успех. Но в настоящее время их попытки обречены на неудачу. Жизнь красноречиво доказывает нам, что современный капиталистический строй и его атрибут — буржуазная власть — не оправдывают себя. Вот уже несколько лет длится кризис. Безработица приняла до того огромные размеры, что чуть-ли не половина населения (если считать жен и детей) находится под ее бичом. Все попытки властей с'узить размеры кризиса терпят неудачу. Да оно и понятно: для того, чтобы ликвидировать кризис, нужно ликвидировать современный строй, на что власти, конечно, не решаются и никогда не решатся.

Всем, даже школьнику, ясно, что капитализм находится на смертном одре.

Он издает последний стон. Он уже не может встать на ноги. Новый строй должен занять место одряхлевшего старика. Анархизм, больше чем когда-либо, необходим сейчас человечеству. И говорить в такие моменты о невозможности осуществления анархизма, это значит, открещиваться от действительности.

АВТОНОВ.

Рабочие и интеллигенция.

Часто раздавались да и поныне раздаются протесты рабочих масс против интеллигенции вообще и отдельных ее представителей — в частности.

Оно и понятно: ведь из кого состоят кадры чиновников разных правительственных учреждений и индустриальных предприятий, как не из интеллигенции? Стало быть, от кого терпится, того и поносятся. Поэтому и «нарекания» рабочих на интеллигенцию — совсем не беспочвенны, а имеют свои основания и мотивы.

Интеллигент является главным заступником во всех делах: будет ли это движение в пользу освобождения трудящихся масс или их большему закреплению. Как в одном, так и в другом случае движением руководят мозги — интеллигенты, хотя и разные, разные по убеждениям, характеру, взглядам, возжеланиям и конечным целям.

Так как не все рабочие разбираются в интеллигентских качествах, то отсюда и происходит огульное обвинение всей интеллигенции, что, разумеется, неправильно, ибо оно противоречит фактам, вследствие смещения всего и всех в одну кучу. Надо, конечно, уметь отличать полнозвонное зерно от плевел, а также отличать истинных друзей рабочих — интеллигентов от друзей в кавычках, о которых сложилась мудрая поговорка: «Избави нас, боже, от «друзей», а от врагов мы сами избавимся».

Скажем яснее: нельзя, например, поставить на одной доске покойного П. А. Кропоткина с диктаторствующим Сталиным и Троцкого с высланными из России большевистским правительством анархистами, Муссолини с Малатестой, Рокфеллера и Морганом с Беркманом и Голдман. Все это люди — разные, с разными мировоззрениями, стремлениями, целями, жизненными миссиями и проч.

Муссолини, Сталин и т. д. стремятся к господству над массами, к утверждению над ними своей власти и подчинению их своей воле, воле так называемого государ-

ства. Если капитализм — символ мракобесия, эксплуатации и рабства — угнетает тружеников экономически, то государство таит в себе такой же гнет политический. Государственный капитализм и того хуже, ибо угнетает он рабочего двояким образом — политически и экономически.

Под социализмом марксисты понимают всесильное государство, которое всем владеет и всеми распоряжается. Об этом свидетельствует политика большевиков и фашистов, мало чем отличающихся от старых капиталистов.

Если учения интеллигентов — марксистов не выгодны и не в интересах рабочих, то учение Кропоткина, Малатесты и многих других анархистов ставит во главу угла общественного здания и людских взаимоотношений не подчинение и господство одних над другими, а равенство в правах, свободу индивидуума и взаимное, добровольное сотрудничество на благо всех трудящихся, а не паразитствующей кучки со всеми ее прислужниками, составляющими государство.

Отсюда видно, что между указанными личностями и их идеями имеется существенно — глубокая разница, несмотря на то, что как те, так и другие являются представителями интеллигенции. Отсюда так же следует, что огульное обвинение интеллигенции не выдерживает критики и что надо уметь отличать истинных друзей рабочих из интеллигенции от врагов, действующих под маской «друзей». Это и есть главное и неперемное условие, которым необходимо руководствоваться при оценке той или иной интеллигентской личности.

Теперь обратимся немножко к истории, чтоб уяснить себе роль интеллигенции в судьбах русского народа, потерявшего свою рольность с нашествием татар.

До татарского нашествия русские города, в которых процветала торговля и сосредоточивалась тогдашняя образованность, были вольными и независимыми от князей, считавшихся народом простыми

наемниками, с которыми народ круто расправлялся при нарушении ими договоров.

Московский князь, Василий 3-й и его сын, Иван Грозный, окончательно уничтожили сохранившуюся было вольность Новгорода и Пскова, после чего татарщина утвердилась по всей русской земле.

Покорив русские земли и обложив их данью, татары вернулись в свою Золотую Орду, поручив русским князьям собирать дань и привозить ее в Орду главному хану. Таким образом, русские князья превратились в маленьких ханов, как нынешние комиссары, выкалывающие подати. Для них народное вече потеряло всякое значение, ибо выполняли они веления хана, от которого перенимали его методы управления, как от него зависимые и подчиненные.

Свиная азиатчина или татарщина с жестокими пытками и казнями передалась русским князьям, которые и подчинили русский народ своей власти, предварительно убив в нем дух вольности и разлив в нем гадливые чувства пресмыкательства, покорности и рабленства. Под напентывания невежественного, но коварного и злого духовенства веками внедрялась вера в то, что русские тираны и деспоты — помазанники божьи, которые стали почитать себя самодержцами, вольными казнити и миловать людей по своей прихоти.

Понятно, один «помазанник божий» сам не в состоянии справиться даже с рабленой страной, поэтому у него набралось достаточное количество подручных, которым и поручалось заботиться о собирании податей с народа. За такие услуги цари награждали щедро своих прислужников и жаловали землями вместе с возделывателями. Таким образом русский народ попал в крепостничество царю и дворянам.

Крепостничество — это один из худших видов рабства. По соизволению цари люди превратились в вещи, с которыми можно обращаться по своему произволу. Крестьян и рабочих за малейшую провинность, ошибку или даже без всякой вины, а ради удовольствия сласлолюбцев — садис-

тов подвергали помещики телесным наказаниям, которые принесла с собою татарщина. Они всячески издевались над народом, эксплуатировали его и били жестоко и со вкусом, засекая до смерти. Наказание розгами и плетью процветало при всех русских царях и применялось оно к лицам обоего пола.

Но несмотря на всю эту ужасную азиатчину, на безобразные порядки и кошмары, душившие всех и вся, в народной среде появлялись интеллигентные лица, возмущавшиеся свирепой татарщиной. Они протестовали и требовали ее уничтожения. Об этом свидетельствуют предшественники декабристов и сами декабристы устанавливают собою тот неоспоримый факт, что не все интеллигенты того времени состояли из дурных и злых людей. Они возставали и боролись за народ и его свободу.

Само собою понятно, что не всегда помещичий гнет сходил им безнаказанно. Нередко крестьяне, доведенные до отчаяния, возставали против своих господ, убивали их, жгли дома, разрушали усадьбы и т. п. Самым крупным возманием крепостных в России надо признать Разинское при Алексее Михайловиче и Пугачевское при развратнице Екатерине «великой». Возмания эти указывают на усилившийся рост борьбы с гнетом.

После 1812 года в Россию начинают проникать освободительные идеи из Западной Европы, в особенности из Франции, которая после Великой Революции 1789 года была очагом революционных идей и движений, сказавшихся и в России в 1825 году — декабристы.

Русская передовая интеллигенция выступила на борьбу с самодержавием вслед за декабристами и дала таких знаменитых борцов, как Бакунин и Герцен, а впоследствии и многих других известных революционеров, которые, организовавшись в партии, повели систематическую борьбу против самодержавия и крепостничества.

С появлением политических партий интеллигенция тоже разделилась: на монар-

хистов, кадетов, эс-деков, эс-эров и анархистов. Программа последних требует полного освобождения личности из-под ига капитала и власти.

Лидеры политических партий, хорошо зная, что народ представляет силу, стремились завербовать в свои ряды как можно больше членов, чтобы, опираясь на их силу, главенствовать над другими посредством захвата власти силою или оружием или через парламентское большинство. Им легко удавалось склонить на свою сторону непроясненный народ посредством различных обещаний. Ярким примером в этом отношении может служить русская революция 1917 года. Царская власть стала быстро переходить из рук в руки от октябристов, кадетов, умеренных социалистов и до радикалов — большевиков, которые, подхватив анархические лозунги, брошенные в народ, как якорь спасения, посредством обмана, лицемерия, коварства и все тех же ничего не стоящих обещаний, захватили царскую власть в свои руки и крепко укрепились на народной шее. С захватом власти большевики сразу же усилили татаршину, со всеми ее «предстоями»: бесчестными казнями, жестокими пытками, тюрьмами, ссылками и свирепым террором. И все эти азиатские меры воздействия применяются большевиками не только к противникам — реакционерам, но и к лучшим сынам народа и свободы — левым социалистам — революционерам и анархистам, защитникам революции. Очевидно, с захватом власти большевики не только потеряли свою революционность, но и сами сделали отвратительными регрессадами, против которых ратовали.

Порядок в России остался тот же, что и при царизме. Изменились лишь лица и названия. Так от татарского хана, славящего со своим орду русскую вольность и наложившего на крестьян и рабочих дань, которую поручил русским князьям собирать и привозить ему в орду, самодержавие перешло к царю, который в свою очередь поручал своим подручным — боярам да помещикам — делать то же, что

делали князья по отношению к хану — собирать подати и нести их в государеву казну. Теперь же самодержавие перешло в руки Сталина и Ко., с их комиссарами вместо князей, с чекистами вместо жандармов, с милицейскими вместо полипейских и т. д. Одним словом, комиссары выколачивают из русского мужика и рабочею подати в пользу олигархии.

Большевики упразднили даже сельские сходы мирян, чего не делал царь, и по французскому образцу поставили там своих комиссаров. И по прежнему процветают на Руси поборы, воровство, изуверство, казни и проч., лишь под другой вывеской. Раньше была татарщина — ханская, затем — царская, а теперь татарщина большевистская. Система управления осталась та же: «Тащи и не пушай!»

Царя Николая 2-го Романова сменил Николай 3-й, а впоследствии Сталин. У первого было дворянство, у второго — комиссары. А народ? Какое им дело до народа, пусть гибнет!

Где же вольность, свобода, вечасоветы на местах, за которые прощито столько крови? Их нет, ибо татарщина свирепая еще не изжита на Руси.

О народе, о трудящихся массах крестьян и рабочих всякий правитель меньше всего заботится, так как для него важны интересы его собственные и подручных, а не интересы каких-то крестьян и рабочих, которые обязаны кормить и одевать своего господина да доставлять ему разного рода удовольствия и развлечения, за что милостивый правитель благосклонно покарает или даст любезную затрепину.

Большевицкий опыт показывает, что так называемое «рабоче-крестьянское» правительство, именуемое «социалистическим», мало чем отличается от буржуазного, ибо ни там, ни здесь нет свободы труженику. В «социалистическом» государстве — свобода тому, у кого туго набит кошелек червонцами или кто служит угнетенно трудящимся. Народу же, пролетарским массам, скверно потому что сами они не заботятся о своих интересах и свободе, а

все надеются на кого-то.

Исторические опыты революций показывают, что всякий раз коварные и лицемерные правители подменивали интересы трудящихся масс, делавших революцию, своими. Чтобы достигнуть своих преступных целей, они всегда употребляют свое излюбленное средство — обещания и обман; часто сеют вражду, разжигают antagonизм и делят трудящихся на партии, дабы самим ловить рыбу в мутной воде.

В заключение своего краткого и далеко не полного обзора об интеллигенции скажем, что хотя русская интеллигенция в своем большинстве консервативна и реакционна, однако, отдельные ее представители являют собою пример высокой самопожертвованности в борьбе с темными силами за лучшее будущее трудящихся масс.

Хождение интеллигенции в народ, ее борьба с царизмом, проповедь освобождения трудящихся собственными силами, учения, что только при свободе личности и социально - экономическом равенстве в правах возможно благосостояние народа, его творчество и прогресс, а вместе с этим ее живая деятельность в народе говорит за то, что лучшие представители

интеллигенции болеют о народном горе, несут о благе народа и освещают путь трудящихся, зовя их к полному освобождению из-под ига капитала и власти, т. е. к свободному обществу.

Отсюда следует, что рабочему нужно знать, кто из интеллигентов его друг, а кто недруг. Честным труженикам нечего поддаваться узколобым, фанатичным, коварным и лицемерно - фальшивым болшевикум, упивающимся властью и сваливающим всех и вся в одну кучу. Им это выгодно, ибо желают удержать власть в своих руках, угнетая и рабочих и крестьян.

На уроках прошлого пора чему-нибудь научиться и поумнеть для настоящего, что бы будущее сделать красивым и светлым. Коварность должна же, наконец, уступить место честности, кривда — правде, несправедливость — справедливости, ложь — истине. эксплуатация — сотрудничеству, насилие — свободе, ненависть — любви, antagonизм — братству и т. д. и т. п.

Труженикам надо бороться за анархизм, который принесет страждущему миру освобождение, радость и счастье. В нем вечно горящий свет и теплота.

МАРК СТЕПНОЙ.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Военное умопомешательство.

Мир стоит опять на краю новой войны. Кровавое зарево опять зарделось на горизонте, и новая бойня, как Дамоклов меч, нависла над землей. Все говорят о мире, о разоружении, о мирных договорах, но все государства лихорадочно готовятся к войне. Усталость и разочарование масс в парламентаризме и политических партиях, разложение в социалистических и коммунистических партиях всех стран привели к тому, что реакционные элементы, духовенство, буржуазия и власть имущие подняли вновь голову, и бросились на борьбу за восстановление своих поприщных привилегий и положений. Целый ряд ренегатов и карьеристов от социализма стали во главе этого движения, подняв вновь знамя национализма, и возведения Государства в Бога, в хозяина душ и тел всего населения данной страны. Характерно, что Муссолини, Пилсудский, Гитлер и иные с ними — выходцы из трудовой или революционной среды. Идеялизм вновь стал в загоне, фашизм стал владельцем душ и умов большей части населения многих стран.

Потеряв надежду добиться улучшения своего положения идейной борьбой и созданием лучшей жизни для всех людей, трудовые массы бросились в национализм, и от социализма перешли к фашизму. Но национализм неизбежно предполагает стремление к возвышению своего народа, своей страны, к расширению ее границ и к обогащению своего капитализма и своего народа за счет части своего собственного населения или населения другой страны, что неизбежно ведет к дипломатическим интригам в борьбе за влияние на другие государства, за захват рынков и за увеличение своих колоний. Трудовые массы, благодаря участию своему в партиях, принимавших участие во власти, также превратились в империалистов и эксплуататоров чужого труда, т. е. ищут возможности пользоваться трудом дешевооплачи-

ваемых рабочих более отсталых стран.

А эта борьба за преобладание и за рынки неизбежно ведет к расирям и к вооружению народов сначала для защиты того, что уже имеют, а затем и чтобы сорвать что нибудь у соседнего государства. В национализированных государствах главный интерес направлен на увеличение материальных богатств своей страны, окончательно не считаясь с жизнью и участью трудовых масс, которые мрут с голоду, холоду и страдают. Культура же, наука, литература, искусство чахнут, ибо главное их задание это — служить интересам государства и улаживать власть имущих.

И неизбежно начинается бешеная гонка по вооружению. Массы питают военной и кровавой литературой. Вся пресса превращается в палатина своего национализма и поносит все «враждебные» народы или государства. И война подготавливается самым наглым образом. Химия работает на разрушение, механика и техника производят разрушительные снаряды, а искусство, литература и музыка воспевают и восхваляют все худшее в человеке, разжигают в нем самые низменные инстинкты и страсти, готовят его к убийству, к насилванию, к разрушению и к взаимному истреблению. Всякий, кто осмелится поднять голос в защиту всех людей, призывать к терпимости и к взаимному уважению между всеми людьми, немедленно же объявляется врагом своего народа, предателем, и преследуется бездушно не только властью, но часто и массами народными. Если же кто осмелится протестовать или возмутиться против этих диких и зверских националистических чувств, то он неизбежно очутится или в тюрьме, или в могиле.

Идеи, чувства человеческие, мораль и любовь ко всем людям становятся преступлением, ненависть — благоделем, а убийство сына другой матери по ту сто-

рону границы — героизмом и заслугой. Грубая сила заменяет сознание, насилие — убеждение, место разума занимает животное чувство и взаимная ненависть замещает взаимность и солидарность.

Единственные, кто блаженствуют в такие времена, это власть имущие и обладатели привилегий. Особенно же компаний по изготовлению вооружения и работающих на армию и на войну.

Но в то время, когда в массы вводятся самые дикие националистические чувства, эти капиталисты, работающие на войну, имеют настоящий «капиталистический Интернационал по вооружению». Хорошо изучивший их писатель Леонид, в своей книге «Капиталистический Интернационал по вооружению» разделяет его на три большие группы:

1) Металлургическая военная индустрия (фабриканты ружей, пушек, военных судов, военных аэропланов, танков и т. д.)

2) Производство взрывчатых веществ (фабриканты пороха, динамита и разных других взрывчатых веществ).

3) Военная химия. (Производство газов).

«Каждая из этих организаций — имеет он — имеет интернациональный характер и все три объединены между собой.

«Руководство первой группой до последнего времени было в руках В. Захарова (внушавшего при париже своими финансами скандалами банкира). Индустрия взрывчатых веществ руководилась группой Нобеля, которая в последнее время охватывает также и химическое производство. Металлургическая индустрия была переведена на интернациональную базу еще до всемирной войны»...

«Во время самой войны они снабжали оружием обе воюющие стороны. Армстронг (английские фабрики) продавал вооружения суда Турции, в то время, как Греция покупала подводные лодки и крейсера у Вickers».

Каждая организовавшаяся политическая организация создавала и свою контр-

организацию из тех же фирм, или из их союзников.

Два года до мировой войны Крупн, Шнейдер и Блюм и Васс (самые большие военные строительные компании Германии. Крупн теперь — правая рука Гитлера и ярый националист и фашист) организовали синдикат (трест), чтобы завладеть русским Путиловским заводом. Но добились они этого только тогда, когда заключили договор с английской и французской фирмами Вickers и Армстронга.

Параллельно этому братствованию военных капиталистов Германии, Франции, Англии и России, они организовали и всю европейскую дипломатию, которая была у них на службе, чтобы подготовить и мировую великую войну. И таким образом затянули над всей Европой тесную петлю, соединив ее концы в министерствах иностранных дел, которые руководились людьми на службе у крупных компаний по изготовлению оружия и работавших на войну.

Эта политика капитала работающего на вооружение дала свои плоды 4 августа 1914 года. Дала невероятнейшие прибыли этим строительным и заводским компаниям.

Эти же сильнейшие военные предприятия стояли всегда, и стоят и сейчас над человечеством, и только оберегают свои собственные интересы. Достаточно будет привести только пару примеров из эпохи великой войны, чтобы дать себе отчет о национализме и патриотизме этих людей и понять всю преступность этих компаний.

В 1915 году англичане были отбиты в Дарданеллах огнем пушек, которыми снабдили Турцию английские компании Армстронг и Вickers. Одно английское судно было потоплено миной, проданной Турцией английской фирмой.

Пушки немецкой фирмы Крупна убивали немецких солдат. И за эти пушки фирма Крупна потом получила от английской фирмы Вickers 120 миллионов, так как патент на эти пушки принадлежал заводу Крупна. Недаром Крупн такой ярый

националист и патриот, и такой преданный сотрудник фашизма и Гитлера.

Характерно, что во всех странах, воюющие капиталисты самые ярые проповедники национализма и поборники патриотизма и фашизма.

Вообще торговля оружием — один из самых важных факторов в мировой экономике. 85 проц. этой коммерции находится сейчас в руках империалистических групп Германии, Италии, Соед. Штатов, Англии и Франции. И вся пресса и литература, находящаяся у них на службе, ведут самую наглую кампанию по подготовке войны. А все военные министерства увеличивают свои вооружения до невообразимого. Сейчас расходы на военные нужды доходят до баснословных сумм. Большую часть богатств каждой страны, государства сейчас тратят на подготовку к взаимному истреблению людей.

По данным, не полным понятно, «Нью Йорк Таймс», выходящей в Нью Йорке Северная Америка, бюджет «гонок смерти»

военного умопомешательства народов сейчас доходит до баснословных сумм: мир в общем тратит сейчас больше, чем 105 миллиардов франков в год на вооружение. А в это время 50 миллионов человек — мужчины, женщины и детей — умирают с голоду, живут в холоде, голоде и нужде. Может ли дойти человечество еще до чегонибудь более ужасного, еще до большего умопомешательства! Мир живет сейчас на взрывчатых веществах и горючем материале, и может взорваться и взлететь на воздух в любой момент, если люди не очнутся во время от своей спячки, не откажутся быть рабами и инструментами в руках военных дел мастеров от национализма, патриотизма и фашизма и не перестроят жизнь человеческую на началах свободы, братства, довольства, взаимности и любви для всех людей на всей земле.

Анатолий Горелик.

Буэнос-Айрес.

19 марта 1934 г.

НАРОД.

Послушные рабы, люди, как дети, следуют
за всяким негодяем,
Способном крикнуть пару громких слов
И послушно своими телами устилают доро-
гу к власти
Всякому, кто им способен льстить.

**

Или церкви воздвигают — притоны об-
мана, наглости и лжи
И алтари воздвигают для властителей зем-
ли.

**

Утоная сами в невежестве и грязи,
Они строят палаты и дворцы,
И нищетой питаются,
Дарят сильным все блага земли.

Народ — ребенок. Он — глуп и неразумен.
И за колокольный звон и церковную песнь
Он готов отдать и Разум свой и Душу.
А за зрелище, за военный марш, за цирк,
за карнавал
Готов убить отца и мать и растоптать всю
жизнь земли.

**

Народ, сборище людей под властью шты-
ка и слепой веры.
Когда он станет союзом умов и душ людей.
И объединившись для общей радости и жи-
зни,
Рай небесный воздвигнет над землей.

Анатолий Горелик.

Розарио, Аргентина.

MAX NETTLAU.

Пути и цели революции в понимании Кропоткина.

II.

1877—1882.

В конце 1876 года, когда Поль Робен, Джеймс Гильом и Поль Брусс осведомили Кропоткина о точном положении дел в анти-авторитарном Интернационале, — а положение это было не весьма блестящим, — то он чрезвычайно деятельно занялся в 1877 году оказанием помощи людям, которые работали почти в одиночку и которые уже отчасти устали. Он старался наилучшим образом использовать местные настроения и средства повсюду, чтобы устранить уклоны, иногда путем добродушных внушений, иногда же не без суровости. Иногда его личные склонности влияли на него, например, когда он рассматривал значение сербской и русской войны против Турции, как войн освободительных. Он чрезвычайно был заинтересован в первых шагах либертарного движения во Франции и содействовал первым попыткам германской анархической пропаганды, исходившей от швейцарско-германского рабочего Общества в Берне. Он имел возможность быть хорошо осведомленным об Испании (через С. Албарачина, в то время находившегося в Швейцарии), но он не установил ни в то время, ни позднее прочной связи с итальянцами. Во всяком случае, тесный кружок посвященных в Интернационале, та частная группа, которая являлась продолжением бакувинского старого тайного общества 1864 года, обычно называла Интернационал Братством или Альянсом социальных революционеров (1872), приняла Кропоткина в качестве члена. Когда они съехались из разных стран в конце августа или в первых числах сентября 1877 года, они избрали его своим секретарем — корреспондентом, и таковым он был еще летом 1881 года, как показывают документы. Руководящими принципами этого тайного интернационального сообщества были сохранение независимости местной и

территориальной автономной деятельности и тактики, но также и совещания друг с другом и, где возможно, соглашения по вопросам общей теоретической и тактической инициативы и деятельности.

Было уже подробнеем образом показано, что коммунистический анархизм впервые провозглашен был в Интернационале в 1876 году: частью, когда Кропоткин был еще в русской тюрьме, частью же, когда он только что приехал в Англию и был поглощен своими делами. Таким образом, он упустил эти моменты развития. Они были незаметны в то время, новые идеи выдвигались против коллективизма не в полемическом духе. В 1877 году, по крайней мере в швейцарских кругах, где жил Кропоткин, вопрос едва возбуждался или даже вовсе не возбуждался, ибо когда первые германские анархисты составили, при помощи Кропоткина, текст правил «Партии анархо-коммунистов, говорящих по-немецки» — *Deutschsprechende anarchisch-kommunistische Partei*, — в которых упоминается об «Анархо-коммунистическом принципе» (*anarchisch-kommunistische Prinzip*) (апрель или май 1877 года), эти слова по всей вероятности, были употреблены взамен слов «анархо-коллективистический», как незнакомых германским рабочим. Кропоткин сам писал: *„Deutschsprechende anarchisch-kommunistische Partei“*.

Сохранились дальнейшие заметки о дискуссии, посвященной коммунистическому анархизму на Конгрессе Интернационала в Вербье (сентябрь 1877 года). Эти заметки написаны собственноручно Кропоткиным, как секретарем собрания. Но наилучшим доказательством, что этот вопрос о «коммунизме» вместо «коллективизма» не представлял никакого интереса для Кропоткина в те годы, служит факт, неоднократно отмечавшийся самим Кропоткиным: когда он сам вылетную занялся этим вопросом в 1880 году, то вся предшествую-

ющая история этой новой идеи с 1876 года исчезла из его памяти. Свою собственную точку зрения он изложил осенью 1879 года в статье «Коммунистический анархизм, как цель, и коллективизм, как переходная форма собственности» («Револьвз» от 18-го октября 1879 г.).

Мы видим из этого и из всего, что было написано на эту тему, а также из положения, создавшегося в 1877 году, что теоретические вопросы не стояли на первом плане в том году. Наоборот, несколько смелых заявлений со стороны бунтарей и непослушных рабочих очень усилили надежды на практические предметные уроки, на демонстрации людей смелой инициативы и на здоровые примеры. Именно это было тогда названо «пропагандой действием», — термин, и по букве, и по смыслу, и по содержанию соответствующий выражению «фактическая пропаганда» в записках Кропоткина 1873 года.

Существуют три статьи, опубликованные в июле-августе 1877 года, из которых первые две принадлежат Кропоткину, а третья — «Пропаганда действием» — написана Полем Бруссом. Последний использовал свою лекцию в ратуше Шодфои в качестве основы для статьи, в которой он разсматривает метод доказательства путем практического примера, как, например, доказательство идеи коммуны на примере Парижской Коммуны (коммунальная автономия). Отсутствие политической свободы в условиях экономического неравенства он доказывал на примере столкновения с властями Берна 18-го марта, когда произошла уличная стычка в защиту красного флага; Кропоткин и другие манифестанты дрались с нападавшими жандармами. Другой пример был дан итальянцами, когда отряд Кафьеро и Малатесты провозгласили революцию в горах южной Италии несколько недель спустя. Новый дух борьбы заставил Брусса заявить, что можно сделать еще больше, — если повстанцы захватят муниципалитет и осуществят там коллективную собственность «путем организации рабочих юннов и производства, путем организации

местных групп и потребления, с тем, чтобы средства производства находились в руках рабочих, которые, вместе со своими семьями, должны быть размещены в здоровых жилищах, а лавки — на улице». В случае нападения, поражением смущаться не следует — живая идея отныне будет перед народом...

Это предложение Брусса подкреплялось примером Парижской Коммуны и нескольких местных восстаний, в духе проповедывавшихся Кропоткиным. Дальнейшее развитие этих идей соответствовало личному характеру и качествам выдвигавших их людей: — Кропоткин развил свою мысль в книге «Хлеб и воля», утопия возставшей коммуны, а Брусс вскоре унизил свою идею, занявшись мелочной борьбой за избрание муниципальных советников и за мелкие местные реформы. Однако, в то время, о котором идет речь, еще трудно было предвидеть, что Брусс возьмет такой курс. Он и Кропоткин работали в тесном сотрудничестве. Близкая дружба с Бруссом дала возможность Кропоткину еще в 1878 году увидеть первые признаки уклона Брусса — как он часто говорил позднее, — но даже и он не мог видеть, куда этот поворот приведет и поэтому дружески помогал Бруссу. Именно это и было целью поездки Кропоткина в Барселону и Мадрид в начале лета 1878 года, — по желанию Брусса, он должен был предложить идею завоевания муниципалитета ближайшим испанским товарищам; так он сказал мне в 1911 году. Эта идея была также предложена ближайшим швейцарским товарищам, которые выразили согласие, а затем и Юрскому Конгрессу в Фрибурге (август 1878), где Брусс, Кропоткин и все другие высказались в пользу сосредоточения усилий на такой местной коммунальной борьбе, в то время, как один французский делегат — анархист, эмигрант, не принадлежавший к числу ближайших товарищей, не понял этой новой тактики и усиленно возражал против нее. Кропоткин не очень надеялся в то время на эту тактику, так как все его

надежды на возрождение движения в то время связывались с ожидавшимся новым развертыванием движения в Париже. Все же прения на этом Конгрессе, в теоретическом отношении стоявшем на самом низком уровне, заслуживают внимания, как выражение мнения участников движения, которые в то время, по причине слабости их организаций, меньше всего находились под влиянием того, что именуете практическими соображениями.

Брусс полностью признавал коммунистическое понимание распределения, но он стоял за «немедленные требования анархической партии». Чтобы устранить власть большинства постепенно, он стремился к тому, чтобы автономия и система взаимных соглашений (договоров, пактов) подорвали бы ее. Это сделало бы возможным местное осуществление наших идей в передовых местностях, пользующихся автономией, и явилось бы «фактическим доказательством» правильности наших принципов и целей. Так, например, он имел в виду предложить социализацию земли и средств производства, с тем, чтобы организация коммунистических методов распределения продуктов предоставляла была бы тем, кто действительно этого пожелает. Таким образом, его немедленными требованиями были «автономия коммуны — коллективное присвоение земли и средств производства — автономия группы». В то же время, помимо теоретической пропаганды и восстания, он стремился к признанию полезности голосования, которое иногда может быть целесообразно использовано.

Кропоткин желал, чтобы коммуны и ассоциации сами принимали решения о способе распределения. Он утверждал, что социальная революция может быть осуществлена только путем стихийного восстания народа в большом масштабе и путем насильственной экспроприации всего капитала коммунами и группами самих производителей, что может быть осуществлено лишь после полной дезорганизации функций государства на протяжении нескольких лет. Но он несколько не возра-

жал против муниципальной деятельности, предложенной Бруссом. Последний рассматривал муниципалитеты, как опытное поле для теории, более доступное нам, чем целые страны или все человечество в целом. Он ссылался при этом на коммунальное происхождение всех серьезных перемен. Кропоткин считал, что ближайшая революция произойдет под знаком независимости городских и сельских коммун. Он говорит о восстаниях, предшествовавших каждой великой революции, и намекает такие на недавние местные бунты в Испании, где он имел возможность с ним лично ознакомиться и получить надолго сохранившиеся впечатления от революционных событий 1873 года. В Андалузии в то время снова разгоралось восстание.

События следующих шести месяцев фактически устранили Брусса и еще более понизили энергию нескольких старших участников движения, в то время, как Кропоткин, ободряемый поддержкой Дюмартера, коммуниста - анархиста (с 1876 г., был очень активен и основал «Le революта» (Женева 22-го февраля 1879 года). Журнал привлек к себе интерес и поддержку международного движения. Этот орган издавался в соответствии с взглядами тесной группы, члены которой вели между собой переписку и центром которой был Кропоткин. Мы имеем краткое изложение его тогдашних взглядов в подробном докладе «Анархическая идея с точки зрения практического осуществления», который он предложил Юрскому Конгрессу 12 октября 1879 года.

Здесь он предвидит революцию, распространяющуюся из страны в страну, как в 1848 году, дифференцируясь на местную, но оставаясь везде и прежде всего экономической, а не политической. После того, как власть дезорганизована в течение революционного периода, повсюду должны произойти экспроприация земли и капитала и присвоение их земледельцами, рабочими организациями и сельскими и городскими муниципалитетами непосредственно. Даже революционные правительства

санкционируют только совершившиеся факты, да и то лишь после долгой борьбы. Такие действия должны произойти повсюду, в пределах возможности, независимо от всеобщего признания коллективистических принципов. Новые формы организации должны быть тогда введены, причем, по крайней мере, в латинских странах, они должны стать федерациями коммун. Даже в случае поражения, такое начало должно стать исходным пунктом будущего восстания. Революционный период, чтобы быть вполне плодотворным, должен продолжаться несколько лет, при чем пропаганда должна проникнуть до самых отдаленных деревень и преодолеть инертность масс. Следовательно, нужно воспрепятствовать созданию новых правительств.

Имея в виду эти взгляды, нынешний подготовительный период должен распространить идеи экспроприации и коллективизма. Эти идеи должны проникнуть в массы, изменить их умонастроение, и люди организоваться в группы для широкой пропаганды по этим линиям. Если революционный период будет длиться несколько лет, то для того, чтобы он дал плоды, необходимо сделать все возможное, чтобы революция не ограничилась городами, а произошла бы в значительной мере в деревнях (экспроприация земли). Это обязывает нас вести пропаганду среди крестьян и изучать крестьянские восстания в Италии и революционную пропаганду в испанских деревнях.

Кроме того, все возможности для экономической агитации должны быть использованы, все местные вопросы труда должны разбираться, и способность лицемерия и эгоизма правящего класса и государственного аппарата должны быть разоблачены.

В латинских странах, по крайней мере, коммуна, независимая от государства и не применяющая представительной системы, экспроприрующая сырые материалы, средства производства и капитал, — явится, вероятно, ближайшей формой организации. Анархисты должны изучить

вопрос о том, какое участие они могут принять в нынешней борьбе между муниципалитетами и государством.

Здесь мы видим взгляды Кропоткина на революционную борьбу в одном из наиболее полных и, вместе с тем, наиболее сжатых изложений. Я изложу здесь наиболее важные пункты. Кропоткин всегда смотрел на ожидаемую ближайшую революцию, — если ей предстояло быть плодотворным событием, — как на ряд периодов, которые не могут существенно отличаться от ряда периодов предыдущих революций, а среди них Французская Революция была для него классическим примером. В 1872 году, когда он ближайшим образом познакомился с Интернационалом, очевидная преданность делу столь многих талантливых борцов и симпатии многих рабочих показали ему, какие ценные силы принимали участие в борьбе. Вскоре после того ему пришлось увидеть, как много русских юношей жаждали прийти на помощь и принести жертвы. Но, имея в то время 30 лет от роду и 15 или более лет активной жизни, полной наблюдения окружающего его, он никогда не спешил делать выводы о том, что социальная революция может быть совершена этими прекрасными, но сравнительно немногочисленными энтузиастами и немногими из славной организации. Это не мешало ему прилагать все усилия ко всему, что он делал: обращался ли он к группе в 10 человек, или к митингам с сотнями или тысячами слушателей, он никогда не являлся наивным мечтателем или оптимистом, хотя иногда и мог казаться таковым случайным наблюдателем. Во все времена он считал, что социальная перемена может встретиться с трудностями большими, а не меньшими, чем те, с которыми встречалась Французская Революция. То, что происходило вокруг него на протяжении его долгой жизни, было, по всей вероятности, только предварительными вспышками. Кропоткин знаком был с долгим и немедленным, но непрерывным ростом либеральной мысли в России

со времени энциклопедистов и франк-ма-сонов. Знаком он был также с социальными бунтами крестьян на протяжении столетий, с временами Стеньки Разина и Пугачева, с очень медленным пробуждением городских рабочих, с долгим периодом, прошедшим прежде, чем русская молодежь, от философии, мистицизма, национализма пришла к революционному настроению, проявившемуся в 60-х годах. Поэтому он очень стремился проверить данные об эпохе, предшествовавшей Французской Революции. Здесь он нашел с самого начала то, чего искал. На этой почве исторических параллелей, перестройки взглядов и выводов, он рисковал тем, что его чрезмерно быстрые суждения привлекут его к неверным заключениям, построенным на недостаточных данных или неверности источников. Такие результаты и создавали, главным образом, мнение об его безбрежном оптимизме. Я не могу подвергать сомнению добытые им результаты о происхождении Французской Революции. Я только считаю их, как и все другое, требующим пересмотра. Начиная с зимы 1877—78 г.г., он принялся изучать события Революции в парижских библиотеках и продолжал их до последнего дня своей жизни, и эти исследования оказали влияние на его взгляды на ход будущей революции: на подготовительный период (настоящее время), революционный период (от 3-х до 5 лет, как параллель 1789—1792 или 1794) и заключительное ниспровержение старого порядка, на подобие того, как национальный конвент сверг старую монархию и земельную аристократию. Правильно или неправильно, Кропоткин всегда видел грядущее социальное преобразование именно в этих трех формах. По мере того, как годы шли за годами, он, вероятно, убеждался, что трудности теперь еще значительнее, ибо преобразование в наше время необходимо должно пойти значительно глубже. Он, конечно, не преуменьшал стоящих перед нами трудностей, его рассуждения явно были вполне правильными, ибо обычные

революции, возникающие из всеобщего недовольства, всегда уничтожаются в зародыше, когда в первую же минуту новое правительство захватывает власть и затем запрягает и подавляет всякую революционную деятельность, как это случилось в 1818 году и как всегда происходило позднее. Заставить народ уверовать во внезапную и полную перемену, значит делать контр-революционное дело. Только свободная от цепей революция может вернуться, развиваться и совершить полезное дело.

1879 год принес интимному кружку, восстановленному в 1877 г., две потери: Андреа Коста, с которым Кропоткин встретился в Юре приблизительно в июне месяце, и Поль Брусс, отпавший от группы во второй половине 1879 года и, окончательно, в феврале 1880 года. Причины ухода Брусса ясно видны из письма (Лондон, 17-ое февраля 1880) к испанскому товарищу, члену упомянутой интимной группы, д-ру Виньясу, который ознакомил с этим письмом меня. Брусс, следуя своему желанию немедленно приступить к коммунальной деятельности, предложил политическим социалистам (марксистам, Маллону и социалистам других оттенков) сотрудничать с ним в достижении этой непосредственной цели — «коммунальной автономии». Они отказались и, вместо того, предложили Бруссу сотрудничать в деле борьбы за «революционный коллективизм», под которым они понимали требование социализации, неосуществленное и до сего дня во Франции, хотя это требование и было там урезано до национализации железных дорог и рудников. Брусс требовал от товарищей анархистов поддержки его новой позиции, исходя из принципа автономии национальных тактик. В этом требовании было, конечно, отказано, и тогда Брусс ушел.

Не случайностью было, конечно, то, что в то время, как Брусс писал свой ультиматум в феврале и выступил в печати с предложением своей тактики в апрельском номере лондонского еженедельника «Le

Travail». Кропоткин напечатал статью, в которой впервые заявил о полном согласии с принципами прямого коммунистического анархизма. Эта статья, под заголовком «Парижская Коммуна», появилась в «Le Révolté» от 20-го марта 1880 года и была перепечатана в «Речах бунтаря». Либо потому, что только после ухода Брусса Кропоткин получил возможность выступить с таким независимым и новым предложением в области доктринальной пропаганды на французском языке, или потому, что коллективизм Брусса носил такой позитивный характер, что мог удовлетворить всех государственных социалистов и коммунистов, — Кропоткин считал нужным противопоставить ему исповедание неурезанного и прямого коммунистического анархизма. Лишь совсем недавно я увидел тесную связанность этих вопросов и написал на эту тему статью в «La revista blanca». Думаю, что я не ошибся. Еще перед Юрским Конгрессом в октябре 1880 года Кропоткин пришел к соглашению с женеvскими товарищами, с Реклю, с Кафьеро и предложил эту перемену Конгрессу 9-го и 10-го октября. После некоторого колебания среди старших юрцев, идея была одобрена. Такова история первого появления прямого коммунистического анархизма, поскольку это касается Кропоткина. Это не было его открытием, чем-то таким, что ему захотелось закрепить, как только он услышал об этом. Это было предложение заблаговременно выдвинутое преднамеренно, с целью противодействовать жалким и реакционным выступлениям прежних товарищей, Косты и Брусса. Нельзя так же долгие поддерживать мысль о том, что коллективистический анархизм, идея которого удовлетворяла Бакунина, Гильома и Малатесту в течение многих лет, устарел или был признан ошибочным. Он казался лишь менее прекрасным, чем коммунизм, Малатесте, Кафьеро, Ковелли, Косте и некоторым другим в 1876 году. Поэтому они рекомендовали отказаться от него, не поднимая полемики. Испанским же товарищам он по-прежнему казался

ценным и они стояли за него еще в течение многих лет после описанного момента. Он всегда истолковывался таким образом, чтобы не исключать никаких видов добровольных соглашений. Отсюда следовало, как это понимал Джеймс Гильом, что не исключался и добровольный коммунизм (1874, 1875). Он все же, в очень достойной форме, был предложен Конгрессу 1880 года Швейцарским в длинной речи. Таким образом, коллективистический анархизм с 1880 года перестал преобладать в швейцарских и французских кругах, главным образом в знак протеста против описанных выше враждебных элементов, а не по причине своих собственных недостатков.

В 1880—1881 г.г. Кропоткин опубликовал свои лучшие исторические критические, социальные и революционные статьи — очерк «Коммуна» (май 1880), где он рассматривает средневековую коммунальную жизнь и дает очерк дальнейшего развития в направлении к свободной коммуне; затем — «Призыв к молодежи» (июль—август); очерк аграрного движения и бунта, начатый в сентябре; «Необходимость революции» (март 1881) и замечательная статья «Дух бунта» (май—июнь 1881), основанная на изучении до-революционных крестьянских бунтов во Франции и на хорошо документированной французской книге о многих актах интеллектуального, морального и физического бунта во Франции с 1715 до 1789 г. Эта книга (издание Ф. Рокэн, 1878) дает возможность увидеть, как всесторонне, непрерывно и настойчиво необходимо нападать на существующий строй, прежде чем прочно сложится общественное мнение, которое вынуждает к действительным переменам и поднимает робкий дух населения. Примером этого и служит изображенный в книге период французской истории, предшествовавший 1789 г. с его экономическими и финансовыми кризисами, невыносимой нуждой крестьян, разрозненными бунтами и т. д. Более вероятно, может быть, что все эти факторы, в конце концов, сделали восстание крестьян возмож-

ным, чем противоположное мнение, ибо во все действительно критические периоды моральные и интеллектуальные побуждения могут иметь такое же, или даже большее, влияние, чем экономические факторы.

Кропоткин признает такие импульсы, как это показывает его статья о «Революционных меньшинствах» (ноябрь 1881). Здесь он опять предвидит революционный период в три четыре, пять лет, соответствующий годам 1788—1793 во Франции. Он сравнивает французские меньшинства тех лет с революционными группами в тысяче мест, которые помещают созданию правительства, которое хотело бы помешать событиям развиваться дальше вплоть до уничтожения частной собственности и государства. В этой статье Кропоткин, по моему мнению, создает произвольные построения, будто Франция, пережившая революционные годы 1788—1793, именно поэтому имеет преимущества над другими странами и будто бы это обстоятельство и объясняет возмущение Коммуны в 1871 г., а также и возникновение коммунистического анархизма в 1881 г. Это скорее мифология, чем обоснованные предположения. Мне кажется более вероятным, что интенсивность власти и привилегии вызвала интенсивное проявление революционных настроений, за которыми опять последовали периоды усиления авторитарного начала, новый бунт, новый прилив жестоких репрессий, как это было после Коммуны 1871 г. После же того во Франции было меньше случаев коллективного бунта, чем в какой бы то ни было другой европейской стране, за исключением холодной Скандинавии.

Кропоткин видел, до какой степени все революционные возмущения во Франции дезорганизовывались путем быстрого захвата власти политическими партиями, в то время, как народ только стоял в стороне и оказывался снова поработленным. Он видел также, как много вероятностей было, что это случится опять, ибо революционные диктаторские правительства, даже такие, повидимому, передовые, каким была Коммуна, опять и почти немедленно ос-

тановили бы ход революции. Поэтому Кропоткин больше всего настаивал на немедленной экспроприации. В последней серии его статей, перед заключением его в тюрьму, напечатанных под заголовком «Экспроприация» (ноябрь—декабрь 1882), он это особенно подчеркивает. В связи с этим, он приобрел привычку цитировать во всех своих статьях и речах поговорку старого Бланки: если в течение 24-х часов народ имеет в руках осязаемые гарантии, ощутимое улучшение своего положения, тогда он борется за революцию, вместо того, чтобы дать ей умереть. Все время, пока Кропоткин выступал на больших лондонских митингах, эта цитата — если в течение 24-х часов весь голодающий народ не накормлен, не одет и не размещен по квартирам, то революция осуждена на провал — постоянно им приводилась. Он употребил ее впервые, на сколько мне известно, в письме к Юрскому Конгрессу, написанном 4-го июня и опубликованном 8-го июля 1882. Он толкует эту цитату следующим образом: если в течение 24-х часов рабочая масса больших городов узнает, что они могут покинуть свои трущобы и перебраться в жилые помещения; если 24 часа спустя возмущавший народ узнает, что в его руках находится все богатство, которое еще только день тому назад принадлежало буржуазии; если социализация пищевых продуктов для распределения их между всеми, введенная с первого же дня, обеспечит каждому три месяца существования; если мастерские будут открыты для всех, кто хочет работать для общего блага; если каждый свободен будет идти на работу и оставить работу, когда он хочет; если каждая часть работы, которую он выполняет, делается для общей пользы, для пользы его самого и его детей, как членов возмущавшей коммуны, — тогда революция приобретает неодолимую силу... В качестве сравнения, Кропоткин приводит порыв, с которым крестьяне защищали Францию на войне 1792 г., когда они знали, что защищают землю, которая отныне принадлежала им, против возвращения феодализма.

Именно из таких, чрезмерно сжатых и несколько гиперболических изречений чаще всего возникают недоразумения. На одного человека, который понимает такие замечания в их настоящем смысле и помнит, что три, четыре, пять лет революционного периода необходимы, как указывал всегда Кропоткин, прежде чем будет обеспечена победа революции, приходится десятки людей, которые уходят с мыслью о том, что полная революция свершится и осуществит анархизм в течение 24-х часов. Многие считали, что таково последнее слово Кропоткина, в то время, как иные начинали скептически относиться и к другим сторонам учения Кропоткина. С такого рода недоразумениями мы встретимся позднее, в дальнейшем изложении.

Каковы были связи Кропоткина с рабочим движением в годы 1877 — 1882, окончившиеся с его арестом 21-го декабря 1882 года во Франции? Он мало соприкасался с организованным трудом в Швейцарии и Бельгии (1877). Он всегда интересовался тред-юнионами и обращался с речами к английским и шотландским рабочим митингам, к шахтерам Дорхем и т. д. и говорил им о русских революционерах и политических заключенных (1882). Он был в тесных отношениях с многими французскими рабочими — анархистами юго-востока, Лиона и округа Сент-Этьена, что и привело его в французскую тюрьму, где он пробыл с декабря 1882 до января 1886. Он очень интересовался подпольной организационной жизнью поставленного вне закона испанского Интернационала, какою он видел ее в Барселоне в 1878 году, в течение одного месяца, в качестве почти товарища наиболее активных участников движения — Фарги Пеллицера и Г. Г. Вишняса. Затем он видел французских умеренных синдикалистов и политических социалистов, наблюдал медленное оживление их движения с 1876 г., о котором говорил факт созыва нескольких больших конгрессов. Брусс и, особенно, Кропоткин приняли участие в одном из них, состоявшемся в Лио-

не в начале 1878 г. Они разработали очень передовые декларации, и один из их товарищей, член тайной Лионской секции, Баллине публично изложил их на заседании конгресса, вызвав немалую сенсацию точностью и революционным содержанием этих документов. Таким образом, Кропоткин делал все, что мог, повсюду, где представлялась возможность. Он, когда случалось, перебирался через границу Франции вместе с контрабандистами и провозил туда революционные газеты. Он же помогал составлять набор «Револьта», или, узнав от Стеньяка о смерти царя в воскресенье, 13-го марта 1881 года, спешил в типографию, чтобы набрать и отпечатать специальный выпуск, а затем бежал по улицам и раздавал его. Он всегда был годеи на все руки и выполнял самые разнообразные дела.

Кропоткин не мог, однако, не видеть, что когда открытая социалистическая агитация была снова разрешена во Франции и когда социалисты вновь организовали партии, занимавшиеся выборами, в годы 1879—1881, то значительные массы рабочих оказались под их руководством и, как везде, где работают социал-демократы, эти массы образовали сплоченное, анти-анархическое большинство. Таким образом, когда пришлось обсуждать вопрос о реконструкции Интернационала на Лондонском Международном Революционном Конгрессе (июль 1881), то Кропоткин, разбирая этот вопрос в циркулярном письме к членам основной группы в июне 1881, высказывает мысль, что массы не должны быть предоставлены на произвол политиканов. С другой стороны, он знает, что лишь немногие способны к какой-либо революционной работе. В заключение, он предлагает широкую открытую организацию для защиты труда и маленькие тайные группы для действий, которые экономическая война делает необходимыми. Эти группы связаны были бы воедино по округам, но их деятельность была бы согласована с помощью международных тайных групп, а именно, с помощью существовавших в то время старых Братств, по-

степенно развиваемых путем привлечения новых и надежных участников. Ни одного из этих предложений не удалось ему осуществить, но это памятное длинное письмо показывает, что принципы бакунинского Альянса глубоко коренились также и в Кропоткине.

К этому можно добавить, что в последующие годы, вплоть до 1882, вопрос о производстве пищевых продуктов всегда становился перед Кропоткиным, особенно в 1879 году, когда Поль Робен вознамерился сообщить в «Револьте» о неомальтузианстве доктора Дрисдейла и Кропоткина, а затем в Лондоне (1881), где Кропоткин заинтересовался вопросом об индустриальной децентрализации. Он считал, что этому делу благоприятствует вновь откры-

тый в то время способ распределения электрической энергии и применения его для разнообразных целей, тогда как паровой двигатель привел к централизации индустрии в ужасных фабричных городах. В разгар своих великих надежд на поднимавшееся движение французских рабочих в районе Лиона, погруженный в свои обычные научные работы, он был арестован на французской территории, где ему пришлось жить после его изгнания из Швейцарии. Не совершив никакого иного преследования, кроме своей усиленной агитации, он был приговорен к пяти годам тюрьмы, из которых отсидел около трех лет в тюрьме Клерво.

М. НЕТТЛАУ.

Я-ВНЕ ПАРТИЙ.

Я вне партий. Я вне школ.

Я горю огнем святым, огнем жизни.

Среди дубравы мира, среди лесов дремучих,
Крови, слез и горя я пою свой гимн жизни.

ни.

Среди громов, стонов и проклятий взрывов
Я несу высоко над собою знамя любви,
Знамя вечной славы жизни и свободе,—

Знамя освобождения труда и всех людей.
Я вне партий. Я вне школ.

Я горю огнем святым, огнем кипучим.

Я зову людей к любви,

К радости, свободе, к новой жизни,

Но я и сам ищу тот новый свет,

Чтобы раскрыть ворота жизни

И впустить во двор ее любовь, радость и
свободу,

Зажечь огонь любви по всей земле.

Я вне партий. Я вне школ.

Партия моя — все люди.

Школа моя — любовь.

А идеал мой — свобода жизни.

Свобода, красота, любовь,—

Вот моя программа.

Тактика моя — любить всех людей

И петь о жизни, красоте, свободе и любви.

Ни партий, ни школ я не признал.

Я выше их: я для себя богов не создавал,

Я все любил, во все я проникал,

И всех людей к свободе, радости, любви
я призывал

Ни форм новых я не искал. Я их ловил

Как птица пищу на лету.

И в формы новые быстротечные

Напитки новые, юность и свободу я вливал

Я песни свои писал не в кабинетах:

В тюрьме, в дороге, на работе

Я их на волю выпускал, —

Своею кровью я их писал.

И песни свои я нес свободно к людям

Не для избранных я их писал —

Свободно отдавал свои рождения любви

И всех людей я звал к любви.

Я вне партий. Я вне школ.

Школа для поэта, что армо быку.

Партия для жизни, что лошади хомут:

Партии и школы жизнь лишь гнетут.

Я не пою свободно среди полей, лесов,

В мастерской, в вагоне, запертый в тюрь-
му,

Для меня свобода — вечная подруга,

В песне безпредельной свою любовь я лью.

Анатолий Горелик.

Одиночка № 91.

Бутырская тюрьма.

Январь 1921 г.

„Дело Труда“, „Пробуждение“ и анархическое движение.

(ДИСКУССИОННАЯ)

«Победоносная» большевистская революция 1917 года нанесла большой удар анархическому движению в России. После разгрома этого движения и высылки многих анархистов за границу, тяжелый кризис русского анархизма еще более осложнился, породив в анархическом движении несколько различных идейных группировок и течений. Процесс анархического разслоения вызвал сначала ряд дискуссий и споров по важнейшим теоретическим и тактическим вопросам анархизма, а затем — выделение всей работы в однородное и самостоятельное движение, которое, однако, оказалось очень слабым вследствие полученного раздробления анархических сил. И главной причиной всего этого была группа русских анархистов в Париже, присутствующая в середине 1925 года к изданию журнала «Дело Труда».

В своей первоначальной работе «Дело Труда» не придерживалось строго определенного анархического направления, хотя в одном отношении, а именно, организационном, оно вело определенную дезорганизаторскую работу. Но постепенно выкристаллизовавшись и сделавшись «органом русских анархистов - коммунистов», этот журнал объединил вокруг себя небольшое число анархистов, которые идейно и организационно соглашались с направлением журнала и в течение нескольких лет материально помогали его изданию. Но вместе с тем, благодаря попытке журнала разрешить спорный организационный вопрос в узко - партийном духе, были раздроблены и распылены и без того слабые силы русских анархистов Америки и Канады. Вместо объединенного и организованного анархического движения, в результате получились маленькие, слабые группы. И созданный с целью объединения анархистов на базе однородной

идеологии и тактики, журнал «Дело Труда» не объединил анархистов, а наоборот, своим фракционным направлением оттолкнул многих товарищей от работы и вообще способствовал расколу и раздроблению анархического движения.

К тому же случилось так, что французское правительство, зорко следящее за деятельностью анархистов, в конце 1929 года приостановило издание «Дело Труда», как «опасного анархического органа», выходившего в Париже около пяти лет, и тем самым подрезало начатую работу журнала. Приблизительно в это же время идейный вдохновитель и редактор журнала — П. Аршинов, разочарованный в скором достижении анархического идеала и прельщенный большевистскими «успехами» в России, сменил вехи, и из анархиста превратился в большевика и ярого защитника «диктатуры пролетариата» и советского правительства. И тогда дальнейшее издание журнала было перенесено в Америку.

Здесь, на американской почве, идейная физиономия «Дело Труда» сразу изменилась. Прежде всего старый подзаголовок «орган русских анархистов - коммунистов» был заменен «органом федерации русских рабочих организаций». Этим поступком новая редакция журнала с очевидностью выявила свою анархобоязнь: без всякого внешнего давления или решения конференции, анархический подзаголовок был выброшен за борт, как ненужная и опасная вещь. Затем, прежнее анархо-коммунистическое направление журнала вылилось в какой-то безликий анархо-хаотизм, который, однако впоследствии, был заменен отчасти сохранившимся теперь анархо - синдикалистским направлением. Но и это последнее направление журнала тоже неустойчивое и неопределенно анархическое, как свидетельствует, между про-

чим, редакционная статья о признании и защите советского правительства со стороны анархистов, помещенная в № 77 «Д. Т.».

В настоящее время «Дело Труда» занимается не столько идейной работой и борьбой против исконных врагов рабочих — капиталистов и власть имущих и их современных «спасителей» — большевиков, сколько мелочными нападками на анархический журнал «Пробуждение» и его сторонников, чем оно стремится, конечно, привлечь внимание товарищей от своих собственных недостатков. Его главное требование, предъявленное «Пробуждению», заключается в том, что этот журнал должен отказаться от поддержки «Рассвета», как не-анархической газеты. Но «Дело Труда» забывает, во-первых, что «Пробуждение» в целом не всегда согласно с работой «Рассвета», и во-вторых, что «Рассвет» — газета отнюдь не антианархического направления, что доказывается его защитой анархизма.

Кроме того, если делотрудовцы требуют уступок от пробужденцев, то почему же они сами не идут на уступки и не приостанавливают «Дела Труда» с целью издания одного органа «Пробуждение», который мог бы с большой пользой обслуживать общие интересы русского анархического движения? Ведь «Дело Труда», как орган неопределенного анархического направления, совсем не лишено известных недостатков, слабостей и уклонов, и его руководители, прежде чем выступать с своими «претензиями» и требовать уступок от других, должны были бы сами поступиться и отказаться, по крайней мере, от неzasлуженных выходов против «Пробуждения», как идейного органа, с любовью и преданностью служащего интересам анархического движения. Иначе, делотрудовцы, по моему мнению, уподобляются болшевишкам — демагогам, все время кричащим об «едином фронте» с целью овладеть рабочим движением и захватить все в свои руки.

Другая «полезная» работа «Дело Труда» заключается в рекламировании син-

дикализма — идеала, долженствующего якобы осчастливить всех рабочих, а также в его «ответах» на статьи и корреспонденции некоторых товарищей, помещаемые в этом журнале. Почти на каждую мысль или фразу, с которой редакция журнала не согласна, дается отдельное возражение, а не общее примечание, как это делается всеми честными и идейно выдержанными анархическими изданиями. Такая грубая форма ответа и критики производит отталкивающее впечатление, отстраняет товарищей от работы и вообще характерна для морального уровня «Дела Труда» — журнала, который был основан с целью создания организованного анархического движения, но который выродился, благодаря нашей слабости и попустительству, в синдикалистский орган, стремящийся вести свою работу в духе фанатизма и партийности.

И еще одна характерная особенность теперешнего издания «Дела Труда» заключается в его умышленном извращении некоторых фактов. Говоря, например, об одном из лучших сотрудников «Пробуждения» — известном историке анархического движения М. Неттлау, журнал указывает, что он «заблуждается насчет «Пробуждения». А между тем, «Делу Труда» хорошо известно, что Неттлау давно знаком с работой и направлением «Пробуждения» и он лучшего мнения об этом журнале.

Вот, кстати, что пишет сам Неттлау о «Пробуждении» (см. № 21—22 «Пробуждение»).

«Русские товарищи, издающие журнал «Пробуждение», принадлежат к тем немногочисленным анархистам, которые всегда проявляют большой интерес к различным вопросам анархизма. Они обратились ко мне несколько лет тому назад за помощью, и с тех пор я продолжаю присылать им свои статьи.

«Я думаю, что русские анархисты, выступающие против «Пробуждения» на том основании, что этот журнал, мол, не анархический, не правы. Не правы также и те товарищи, которые думают, что чем

больше в этом журнале будет анархических статей, тем больше вреда будет для анархического движения, так как издавали «Пробуждения» клерикалы, мистики, националисты и т. д. Я думаю, что это — незаслуженный упрек, часто бросаемый этому журналу его многочисленными врагами. Выступление этих последних я считаю плодом или результатом фанатизма, узколюбия и партийной нетерпимости к инакомыслящим и к инакодействующим. Товарищи, группирующиеся вокруг «Пробуждения» — преданные анархисты, и мы все должны помогать им в их важной работе по изданию хорошего анархического журнала, каким несомненно является «Пробуждение».

И действительно, русское анархическое движение в Америке, пережившее немало споров и раздоров как личного, так и идейного характера, нуждается в настоящее время в таком органе, который служение анархическому идеалу, ставил бы выше всяких личных и фракционных соображений, тем более, что симпатии русской анархической колонии всегда были и продолжают быть на стороне подлинного анархизма, а не синдикализма, которым часто хотят подменить анархизм. И именно таким органом является журнал «Пробуждение», ставящий своими главными задачами объединение анархистов, борьбу за анархический идеал и укрепление анархического движения.

Касаясь русского анархического движения в Америке, мне невольно вспоминаются краткие слова поэта Надсона: «Как мало прожито, как много пережито!». Эти прекрасные и полные глубокого смысла слова вполне применимы к нашему движению. Несмотря на свою молодость, это движение, имеющее за собой историю двадцатилетней работы, пережило много тревожных моментов: разгром организаций, аресты, избиения и депортацию многих товарищей в Россию. Наше движение так же пережило и теперь еще переживает много раздоров и разногласий, которые в последнее время не только не улеглись, а

наоборот, вызвав среди нас идейную, а подчас и личную междоусобицу, грозят нам чуть-ли не братоубийственной войной... И все это из-за того, надо полагать, что мы, анархисты, не можем почему-то толковать и прийти к общему согласию и все свое внимание обращаем на то, что разъединяет нас, а не на то, что объединяет нас с обще-анархическим движением.

Если присмотреться к русскому анархическому движению в Америке за последние, скажем, 15—20 лет, то нельзя не прийти к заключению, что несмотря на то, что наше безвластническое движение страдало известными недостатками, как, например, слабыми теоретическими силами, отсутствием хороших интеллигентных работников, оно, тем не менее, всегда было направлено в сторону организации и сплочения своих сил для успешного ведения анархической пропаганды среди русских эмигрантов. К этому именно стремились все прежние радикальные и анархические организации (Прогрессивные Кружки, Союзы Русских Рабочих и Анархические Группы), а также и различные анархические органы (Голос Труда, Хлеб и Воля, Американские Известия и Волна), которые, несмотря на свои различные позиции и отношения ко многим организационным, теоретическим и тактическим вопросам анархизма, все же преследовали одну общую цель: объединение русских анархистов на почве служения анархизму и его движению.

Но в настоящее время положение русских анархистов в Америке таково, что они сами лишают себя возможности вести широкую и активную работу. Правда, здесь издаются два журнала: «Дело Труда» и «Пробуждение»; есть также организованные группы, объединенные в две федерации, но, несмотря на это, наше положение незавидное. Наши силы разброшены и распылены; имеющиеся группы не проявляют активной деятельности: связей с анархистами в России мы не имеем; от местного, американского анархического движения мы оторваны, и эта оторван-

ность в особенности плохо отзывается на всем нашем движении.

Одним из недостатков русского анархического движения за рубежом всегда была и есть его оторванность от жизни — оторванность от социально - политических вопросов текущей действительности. Анархисты старого закала по сие время верят, что анархизм по своей идеологии аполитичен. Неполитичность анархистов приводит, однако, к тому, что всякая социально политическая борьба считается уже «политикой», и, ограничиваясь своей абстрактной верой в свободу и счастье человечества, анархисты проходят мимо самых жгучих и важных моментов борьбы труда с капиталом и властью, забывая при этом, что борьба против последних и есть та политическая борьба, которая как-бы обязывает их принимать активное участие во всех политических моментах борьбы труда с капиталом. Игнорируя «политику» и веря лишь в «экономику», анархисты также забывают, что подлинное освобождение трудового человечества неразрывно связано с его культурной и социально-политической борьбой за полное осуществление анархических идеалов — свободы, равенства и братства.

Другим недостатком нашего движения является его неслученность, его неорганизованность. Организационный вопрос все еще является предметом горячих споров и он все еще занимает важное место в общей анархической работе, и недаром анархическая пресса уделяет ему много внимания. Но этот вопрос необходимо решить в определенном смысле, ибо отсутствие общей организации, базирующейся на определенной идеологии и тактике, всегда было одной из причин слабости и дезорганизованности анархического движения. Еще одна причина нашей слабости заключается в нетерпимости к другим анархическим группировкам и в нежелании видеть положительные ценности, имеющиеся в различных анархических течениях. Но хуже всего этого — хаотичность нашего движения, т. е. неопределенность его за-

дач, стремлений и целей.

Все эти причины необходимо преодолеть и изжить. Мы, анархисты, должны стать активной и организованной силой в рабочем движении, силой, стремящейся к перевоспитанию массы в духе свободной и самостоятельной деятельности и одновременно преследующей определенные анархические задачи и цели. До тех пор, пока мы будем действовать разрозненным образом и без определенного плана, мы не можем рассчитывать на широкий успех среди трудящихся. В этом отношении вся важность нашего объединения должна заключаться не столько в организации наших сил вообще, сколько в их правильном подборе, ибо практика последнего времени научила нас тому, что вообще объединения не может быть, а объединяться мы можем и должны только с единомышленниками и родственными анархизму организациями. При этом следует обратить серьезное внимание на молодежь и вербовать из ее среды сторонников анархизма, ибо с постепенным уходом старых работников от анархического движения, молодежь — наша единственная надежда на продолжение анархической работы. Касаясь конкретных условий американской жизни, надо также помнить, что наше русское анархическое движение есть незначительная часть пока еще слабого американского анархического движения, и что анархизм в Америке будет пользоваться успехом лишь тогда, когда за дело его распространения возьмется коренной американский трудовой народ, без содействия которого эмигрантские анархические элементы, как бы революционно они ни были настроены, сами совершенно бессильны обеспечить победу анархизма. А американские трудовые массы в настоящее время политически и организационно не подготовлены к активным действиям и революции. Для этого требуется, прежде всего, развитие их классового и революционного сознания, создание широкого общественного настроения в пользу анархического идеала и проявление максимальной деятельности со-

стороны всех анархистов, стремящихся к осуществлению свободного социального строя на основе взаимного соглашения, кооперации и безвластия.

Теперешнее плохое состояние анархического движения не может продолжаться долго. Оно будет с течением времени изжито под общим напором прогрессивных сил и объединенной деятельности анархистов. Но именно теперь, больше чем когда бы то ни было, самое благоприятное время для распространения анархических идей вообще и укрепления анархического движения в особенности. Именно теперь мы, анархисты, имеем лучшую возможность для развития своей деятельности в анархическом направлении, и эту возможность мы должны использовать самым ши-

роким образом, в противном случае мы окажемся обреченными на бездеятельность и прозябание. И хотя наши попытки объединить свои силы и тем самым оздоровить и укрепить анархическое движение не увенчались пока успехом, но сама идея объединения всех анархических группировок в одну общую дееспособную Федерацию, с одним руководящим идейным органом, в высшей степени похвальна и современна. Надо только забыть разогласия, честно стремиться к объединению, активно пропагандировать анархизм — и тогда лишь можно будет смело рассчитывать на успешное развитие русско-американского анархического движения.

Л. ЛИПОТКИН.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

Временный (но отнюдь не случайный) кризис нашего великого движения, который вы в «домашнем» масштабе так ярко и резко характеризуете в своих письмах, не так тревожит меня, как те вялые вяния и мутные настроения, которые некоторые отчаявшиеся и изувечившиеся «модерн-анархисты» пытаются контрбандой ввести в наше движение. Я надеюсь, что не вы один оценили по достоинству проiski этих крахоборствующих наваторов, которые каждую мучительно вымуженную куцию и никчемную идейку готовы объявить новым течением в анархизме, а из самого анархизма пытаются сотворить надежное прикрытие для своей малодушной приспособляемости к торжествующей среде и для своих инертных, только по привычке цепляющихся за жизнь мыслишек.

Этот «пан-анархизм», «единый — анархизм», «синдикализм», «мессиянизм» и пр. многочисленные скороспелые не проверенные ни наукой, ни жизнью «измы» никогда не овладеют жизнью, потому что они беспочвенны, безжизненны и ничтожны в самом основании своем.

Творцы этих, с позволения сказать, теорий, идут по линии наименьшего сопротивления: вместо того, чтобы искать понимания действительности, для того, чтобы воздействовать на жизнь, а в некоторых возможных случаях и преобразовать ее согласно своим идеалам, эти люди без руля и без ветрил носятся по волнам житейского моря и находят свою «землю обетованную» там, куда приносят их житейские мутные волны. Именно потому, что они, недостаточно хорошо понимая действительность, не могут противостоять ее первому натиску, они всегда склонны ползти на брюхе перед любым явлением нашей многоликой и многообразной современности и всячески восхвалять ее «железную необходимость» и «объективную разумность».

Г

Вместо критического и творчески-бунтарского отношения к политическим и социальным силам, они продвигаются вперед проторенною дорожкой соглашательства и политической приспособляемости, и занимают по отношению к классам и партиям рабски подражательную, соглашательско-демагогическую позицию.

Самого духа изобретательства и бун-

тарской воли не хватает этим растерявшимся людям, потерявшим свой действительный образ среди шумихи и муты событий нашего беспокойного времени!

Я уверен, что только непомерное самозлобие и славозлобие этих вождей без масс и генералов без армии мешают им увидеть ничтожество собственных теорий, а их воинственное невежество не позволяет им прозреть вширь и в глубину собственной благоглупости. Сами по себе эти люди не заслуживают серьезной критики благоразумных людей: их легкомыслие и верхомгядство выдает с головой их идеологическую неустойчивость и идейную безпринципность. Однако, все же с этими людьми следует держать ухо востро: если они неспособны на положительную творческую работу, то па работу дезорганизаторскую, на склоку, на мелочную и безтолковую суету и шумиху сил у них, пожалуй, хватит. И вот именно в этом-то им и следует помешать и выбросить их за борт нашего движения прежде, чем они успеют внести в него смуту. «С человеческой глупостью, — сказал как-то Герцен, — нужно считаться, как с огромной силой». Сейчас, когда анархизм приобрел среди общества «права гражданства», человеческая глупость и пошлость насаждают на него со всех сторон. Оградить наше великое творческое учение от негодных покушений ветхой человеческой глупости, — вот задача всякого истинного анархиста.

ПОДПИСЬ.

К СОЮЗАМ, ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ЛИЧНОСТЯМ

Друзья и товарищи!

Не забывайте, что «Пробуждение» есть ваше собственное пробуждение. Вы его сами издаете, вы его распространяете, и от вас и только от вас зависит его дальнейшее существование. Если вы желаете, чтобы журнал выходил регулярно, то вам долг и моральная обязанность оказать поддержку и материальную. Вы должны на местах обсудить вопрос о дальнейшем существовании вашего органа «ПРОБУЖДЕНИЕ», как добыть средства, чтобы

он выходил во время.

Если все Союзы, группы и отдельные товарищи постараются меньше делать затрат на разные безделушки, а больше уделять внимания выразителю наших идей, то журнал будет выходить регулярно.

За дело товарищи!

Пусть ваш орган «Пробуждение» крепнет. Пусть расширяется и углубляется идеал анархизма!

Мы надеемся, что наш призыв не останется гласом вопиющим в пустыне, и союзы, группы и отдельные личности откликнутся и поспешат на помощь.

Все деньги, запросы, заказы на литературу, подписку на журнал направляйте по адресу журнала.

Секретарь

И. ЧЕРНЫЙ.

70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЯНОВСКОГО

Еврейская анархическая федерация, издающая еженедельную газету «Фрайи Арбейтер Штиме», недавно отпраздновала 70-летний юбилей С. Яновского — долголетнего редактора этой газеты и одного из пионеров еврейского анархического движения. По этому случаю юбилейный номер газеты от 14 сентября, вышедший на 32 страницах, посвящен юбиляру и его жизни и деятельности в рабочем и анархическом движении. Номер газеты содержит в себе богатый материал: статьи, воспоминания и приветствия таких известных личностей, как Александр Беркман, Эмма Гольдман, Рудольф Рокер, М. Каган, А. Фрумкин и др. Пожелаем и мы юбиляру, много потрудившемуся на культурно-экономической ниве, долгих лет и сил для его дальнейшей борьбы за анархический идеал.

Л. Я.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Мы приносим глубокую благодарность тов. П. Ковальчуку за пожертвование Нового Собрания Сочинений Леониды Андреева в восьми томах с портретом автора в пользу «Пробуждения». Товарищей, желающих помочь своему органу и приобрести ценные книги по низкой цене, просим связаться с секретарем журнала.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ ОТ 1 МАЯ ПО 15 СЕН-
ТЯБРЯ 1934 Г. г

ПРИХОД:		Рочестер — Группа «Свобода»	0.50
За «Пробуждение»		Лондон — С. Сак	0.40
Филадельфия—Группа «Пробуждение»	18.50	ВСЕГО	3.35
Балтиморе — О-во Самообразование	5.20	Детройт, Мич.	
Виндзор — Р. С. Самообразование	4.80	Профсоюз за «Пробуждение»	13.65
Бриджпорт — Л. Шелях	5.00	» за брошюру Неттлау	16.30
Бруклин — Б. Войтович	2.30	» за Книги Рубакина	12.72
Гартфорд — М. Лавренюк	2.70	» от розыгрыша картин	5.80
Лондон — С. Сак	2.10	ВСЕГО	37.97.
Монтреал — Ф. Кунаевич	2.50	Детройт, добровольный фонд	
Гери — Группа через т. Гвай	1.50	Профсоюз из кассы	20.32
Юнгстон — С. Медынич	2.00	Подписной лист номер 17	8.50
Рочестер — Группа «Свобода»	1.50	П. Ковальчук	7.00
Бостон — Группа через т. Разуменко	1.50	К. Полейко	2.00
ВСЕГО	49.60.	А. Демчук	4.00
Добровольный фонд		М. Войковский	2.50
Ниагара Фолс — Р. Маловичко	8.00	А. Омельчук	2.00
Монровия — Н. К.	5.00	И. Нестерук	2.00
Левинг — Н. Иванов	3.50	Е—ов	2.00
Филадельфия—Группа «Пробуждение»	3.50	К. Шевчук	1.50
Гери — Н. Гвай	3.00	В. Громиков	1.00
» — А. Савич	3.00	И. Соколович	1.00
» — М. Куцко	1.00	И. С.	1.00
» — С. Козлович	1.00	ВСЕГО	54.82.
Гемпстад — В. Радуга	1.00	Подписка на «Пробуждение»	4.75
ВСЕГО	29.00.	Переходная сумма	5.52
По подписным листам		Филадельфия, И. Дуб. Подписной лист	
Бруклин — Б. Войтович, подписной		номер 2, в фонд Н. Махно.	7.00.
лист номер 16	3.25	ИТОГО	207.31
Гартфорд — М. Лавренюк, подписной		РАСХОД:	
лист номер 6	3.25	Издание журнала	133.00
Лондон — С. Сак, подписной		Перевод статей	22.25
лист номер 15	2.20	Выплачено долга тов. П. Ковальчуку	10.00
Бостон — С. Разуменко, подписной		Выслано М. Неттлау	10.00
лист номер 4	4.60	Почтовые расходы	35.89
Монтреал — Ф. Кунаевич, подписной		Выслано Н. Махно	20.00
лист номер 18	2.00	ИТОГО	231.14
ВСЕГО	15.30.	Общий приход	207.31
За Брошюры		Дефицит	23.83.
Виндзор — Рабочий Союз		КОМИССИЯ:	
Самообразование	1.20	И. Нестерук, А. Омельчук.	
Филадельфия—Группа «Пробуждение»	1.25		

ЗАЯВЛЕНИЯ

1) В следующем очередном номере «Пробуждение» будет помещена предметная статья известного революционера-анархиста Нестора И. Махно «Над свежей могилой тов. Николая Рогдаева», а также фотография Рогдаева.

2) В Париже организовался Махновский комитет, который поставил себе целью: собрать и издать материалы, написанные Махно и в первую очередь издание двух его книг о движении. Долг и моральная обязанность всех наших товарищей помочь этому комитету.

3) Нам нужны все газеты и журналы, где печатались статьи Н. Махно, а также других авторов о Махно и махновщине, а больше всего рукописи Махно для махновского архива. Нам нужны следующие

газеты и журналы: «Рассвет», «Американские Известия», «Голос Труда», издававшийся в Аргентине, «Анархический Вестник», «Рабочий Путь», «Голос Труженика» «Вильна Громада», «Воля Украины».

4) Все Союзы, группы и отдельных товарищей, которые желают распространять анархический журнал на английском языке «Ман», убедительно просим сообщить нам сколько номеров вы можете распространить или же списаться с редакцией «Ман», 1000 Jefferson st., Oakland, Cal.

5) Доводим до сведения всех, что Литовский анархический журнал «Рабочая Правда» переменил адрес. Новый адрес следующий:

Velez Sarstield 181 Avellaneda de Bs.As.

ARGENTINA.

АНАРХИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

На английском языке:

"Man", 1000 Jefferson st., Oakland, Cal.
"Freedom", P. O. Box 111. Station O,
New York, N.Y.

На болгарском языке:

«Мысль и Воля», Бул. Фердинанд, 25—
София1.

BULGARIA.

«Работническа Мисль», Тотлебен, 79
София, VI.
BULGARIA.

На литовском языке:

«Рабочая Правда»,
E. Zeballas, 527, Avellaneda
ARGENTINA

На французском языке:

"La Revolte" et "Temps Nouveaux"
J. Grave, a Robinson, par Sceaux(Seine)
FRANCE.

На испанском языке:

"Redaccion la Revista", Blanka 37 calle
de Barcelona,, SPAIN.

На итальянском языке:

"Ladunata Dei Rejrattari"
Box 1, Sta. 18—Newark, N. J.

На еврейском языке:

"Freie Arbeiter Stimme"
45 W. 17th St., New York. N. Y.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластных
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластных идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.